

eISSN 2311-2468
Том 9, № 15. 2021
Vol. 9, no. 15. 2021

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

КИБАКОВА Ю. Г.
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена выявлению языковых особенностей, присущих научно-популярному подстилю в английском языке. В этой связи рассмотрены лексические, грамматические и стилистические параметры англоязычных научно-популярных текстов.

Ключевые слова: функциональный стиль, научно-популярный подстиль, лексические особенности, грамматические особенности.

KIBAKOVA YU. G.
LANGUAGE AND STYLE FEATURES
OF POPULAR SCIENTIFIC ENGLISH TEXTS

Abstract. This article deals with the issue of studying the characteristics of the popular scientific style in the English language. The analysis of the English texts in question is carried out in order to identify their lexical, grammatical and stylistic features.

Keywords: functional style, popular scientific style, lexical peculiarities, grammatical peculiarities.

Развитие современного мира невозможно без развития научной сферы. Это свидетельствует о необходимости ее закрепления и предоставления не только специалистам различных сфер научной жизни, имеющих знания в данных областях, но и широкому кругу читателей, чтобы позволить им иметь представления о том, какие изменения происходят в мире. Так как не все тексты научного стиля могут быть поняты широким кругом читателей, ученые выделили научно-популярный подстиль научного функционального стиля. Благодаря данному подстилю читателю будет проще усвоить данную научную информацию, так как происходит некое уменьшение расстояния между научным знанием и читателем. Как и все функциональные стили и их подстили, тексты научно-популярного подстиля имеют свои лексические, грамматические и стилистические особенности, неизученные до конца.

Цель данной работы состоит в выявлении лингвостилистических особенностей научно-популярных англоязычных текстов на английском языке. Мы провели исследование, в ходе которого были проанализированы англоязычные статьи разной тематической направленности. Всего нами было проанализировано 5 статей.

Научный стиль имеет свои особенности в области лексики, которые отличают его от других стилей. Стоит отметить, что данная особенность выявляется как в английском, так и в

русском языках.

Научно-популярный подстиль является вариантом научного функционального стиля, отличающийся доступностью, увлекательностью, простотой и ясностью изложения. Основной целью данного подстиля является популяризация научной литературы. Тексты научно-популярного подстиля адресованы широкой читательской аудитории, так как для данного подстиля характерно упрощенное изложение. Это, в свою очередь, показывает, что адресатам не нужно иметь какие-либо специфические знания в той или иной области [2, с. 113].

На лексическом уровне мы обнаружили в текстах научно-популярного подстиля наличие общеупотребительной лексики и терминологии, которая объясняется с помощью сносок, уточнений, информации в скобках. Например: *Insomnia is a sleep disorder that affects as many as 35% of adults. It is marked by problems getting to sleep, staying asleep through the night, and sleeping as long as you would like into the morning* [9]. В данном случае автор поясняет «доступным» языком, без различных сложных научных терминов, что подразумевает под собой бессонница. Кольцевое затмение объясняется развернутым предложением. Это мы можем заметить по следующему предложению: *It is marked by problems getting to sleep*.

Терминология научно-популярного подстиля доступнее читателям. Это связано с наличием в научно-популярных текстах общеупотребительной лексики, например, «getting to sleep», «staying asleep through the night».

Научный функциональный стиль используется для передачи объективной информации, что приводит к обезличенной манере изложения материала. Причиной является то, что главной в научной работе является тот концепт и те аргументы, которые автор хочет передать, а не он сам и его мнение. Чтобы избежать использования местоимения первого лица в качестве подлежащего, подразумевающего авторское мнение, используются существительное из определенного круга данной специфики знаний или средства вторичной номинации, чем являются личные и указательные местоимения, наречия, указывающие на такое существительное [1, с. 253]. Следовательно, в научных текстах можно обнаружить безличные конструкции: *It is estimated that 40%* [9]; *There's also the question* [6]; *It is marked by problems* [9].

Научно-популярный подстиль предлагает ознакомление с описываемыми явлениями и фактами, конкретные результаты и выводы не указаны. В ходе анализа мы обнаружили, что авторы научно-популярных текстов не делают выводы по работе, а лишь указывают какие-либо важные моменты или же непосредственно завершают свою работу каким-то фактом: *“Archer hopes this is the start of a shift towards better working environments across a range of*

sectors. Giving people the power to solve their own work problems, and helping them to keep their long-term aspirations and values in sight: this is the future,” he says [5]. Автор не сделал выводы по своей работе, а сделал отсылку на слова другого ученого.

В научно-популярных текстах присутствуют личные местоимения, например: «can throw off your sleep timing» [9], «priming you for action» [5], «we do after we wash our hands» [7], «you can do» [8], «they have a cold» [5], «we’re still a long way from reaching AGI [6]». В данных примерах личные местоимения используются для указания на адресата и придания научному тексту «диалогического» характера.

Тексты научно-популярного подстиля сочетают в себе элементы разговорной речи, что находит отражение в компрессии, которая приводит к неполноте выражения и избыточности. Кроме того, мы обнаружили морфологическую и лексическую компрессию. Это проявилось в сокращенной форме вспомогательных глаголов: «person’s body can’t adjust» [9], «it’s important», «don’t become» [5], «population doesn’t have» [7]. Кроме того, на лексическом уровне мы обнаружили опущение одного слова, например: *P. gingivalis* (от *Porphyromonas gingivalis*) [8]. Компрессия в данном случае используется для того, чтобы быть ближе к читателю и облегчить ему восприятие текста.

На лексическом уровне были обнаружены использование фразовых глаголов и идиом, что популяризует научное знание: «falling asleep or staying asleep» [9], «take time off for illness» [5], «pick up loads» [7], «condition could come down to» [4], «Time after time» [6], «day off per year» [5]. Использование данных единиц упрощает восприятие текста читателями, так как эти единицы часто используются в разговорной речи.

Использование прямых вопросов к читателю, которые применяются как экспрессивное средство языка для привлечения внимания:

- *What Causes Insomnia?* [9]
- *Is hand-washing really a panacea?* [7]
- *What exactly is artificial intelligence (AI)?* [6]
- *Still, is the simple act as effective at thwarting microbes as we think?* [7]

Для того чтобы выразить сведения более точно, научно-популярные тексты изобилуют именами собственными: «the US National Institutes of Health spent \$1.9 billion» [8], «Frank Bond at Goldsmiths, University of London» [6], «the American Journal of Public Health» [7]. Как можно заметить, авторы статей делают отсылку к исследованиям других ученых, что проявляется в использовании имен собственных, в нашем случае это названия организаций и имена ученых.

Кроме того, авторы статей указывают на различные числовые обозначения, факты: «in 30-48%» [9], «49 per cent of all working days» [5], «in the UK in 2016-17» [5], что

демонстрирует достоверность информации, предложенной читателю.

Точность является следующей характеристикой научно-популярного стиля. Она заключается в употреблении специальной лексики и терминологии: *There are also consequences for physical health: studies have shown that long-term stress leads to a compromised immune system, contributing to debilitating headaches, digestive disorders and cardiovascular disease* [5]; *Problems affecting the brain, including neurodegenerative and neurodevelopmental disorders, have been found to be associated with an elevated risk of insomnia* [9].

Исходя из вышеуказанных примеров, можно заметить, что термины, используемые в данном подстиле, имеют строго точное значение и относятся к определённым отраслям науки: «cardiovascular disease» – сердечно-сосудистые заболевания; «personality disorder» – расстройство личности; «digestive disorders» – нарушения пищеварения; «neurosis» – невроз, «neurodegenerative and neurodevelopmental disorders» – нейродегенеративное расстройство и нарушение развития нервной системы. Кроме того, терминология однозначна и независима от контекста.

Необходимо заметить также наличие книжных слов: «contributing», «debilitating», «consequences». Эти слова длинные, многосложные, заимствованные. Они обладают конкретным денотативным значением, характеризуются отсутствием каких-либо коннотаций.

Также было замечено использование глаголов, выражающих действия и состояния, связанные с объектом исследования: *It depends on* [6], *that exist to prevent good hand washing practice* [7]. В данных примерах такими глаголами служат «depend» и «exist». Перечисленные группы глаголов в совокупности имеют воздействующую функцию на адресата.

Следующей особенностью научно-популярных текстов является использование существительных в общем падеже в качестве препозитивных атрибутов. Благодаря использованию многокомпонентного словосочетания, авторы научных работ могут передать большее количество информации при небольшом количестве грамматических средств [4, с. 2]. Кроме того, вышеуказанные конструкции имеют терминообразующую функцию. Например: «excessive daytime sleepiness» – избыточная дневная сонливость [9]; «artificial intelligence» – искусственный интеллект [6]; «strep throat» – острый фарингит [5]; «shortness of breath» – одышка [4].

Было обнаружено, что для текстов научно-популярного подстиля характерна связность. Данная характеристика представляет собой лексические и грамматические связи как внутри целого текста, так и в отдельном предложении. Это достигается за счет связок между частями академического текста: *As to how P. gingivalis might cause dementia after it arrives in the brain,*

there are two clear possibilities. It may trigger the release of amyloid, the brain's method of trying to contain the infection, and this may then kill neurons [4].

В данном примере можно также отследить связность как внутри целого текста, так и в отдельном предложении. В данном случае «*P. gingivalis*» внутри первого предложения заменено на «*it*». Кроме того, оно заменено и в следующем предложении также на «*it*» и на «*this*». Это нужно, чтобы объединить лексические и грамматические связи как внутри целого текста, так и в отдельном предложении.

По окончании исследования мы пришли к выводу о том, что научно-популярные тексты направлены на передачу научной информации неподготовленной для ее восприятия аудитории и это отражено на лексическом, грамматическом, синтаксическом уровнях. Из-за того, что научно-популярный подстиль популяризирует научное знание, он имеет множество характеристик других функциональных стилей. Кроме того, для текстов данного подстиля характерна логическая последовательность изложения материала, что отражается в синтаксической организации предложений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – 10-е изд., стер. – М: Флинта, 2010. – 384 с.
2. Банина Н. В., Мельничук М. В., Осипова В. М. Основы теории и практики стилистики английского языка: учебник. – М.: Финансовый университет, 2017. – 136 с.
3. Глушко М. М. Теория и практика английской научной речи. Монография. – М.: Издательство Московского университета, 1987. – 240 с.
4. Пospelова Т. Б. Характеристики научного стиля в английском языке // Иностранные языки: теория и практика. – 2012. – №2 (15). – С. 8–14.
5. Archer R. The flexible therapy that helps beat workplace stress [Электронный ресурс] // New Scientist. – 2018. – Режим доступа: <https://www.newscientist.com/article/mg23831770-100-the-flexible-therapy-thathelps-beat-workplace-stress/> (дата обращения: 12.09.2021).
6. Cade P., Getty P. What exactly is artificial intelligence (AI)? [Электронный ресурс] // New Scientist. – 2020. – Режим доступа: <https://www.newscientist.com/definition/artificial-intelligence-ai/> (дата обращения: 15.09.2021).
7. Eschner K. Is hand-washing really a panacea? [Электронный ресурс] // Popular Science. – 2020. – Режим доступа: <https://ru.scribd.com/article/504026661/IsHand-Washing-Really-A-Panacea> (дата обращения: 20.09.2021).
8. Mackenzie D. We may finally know what causes Alzheimer's – and how to stop it [Электронный ресурс] // New Scientist. – 2019. – Режим доступа:

<https://www.newscientist.com/article/2191814-we-may-finally-know-what-causesalzheimers-and-how-to-stop-it/> (дата обращения: 10.10.2021).

9. Suni E. What Causes Insomnia? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sleepfoundation.org/insomnia/what-causes-insomnia> (дата обращения: 19.10.2021).

ЕФРЕМОВ Б. В.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕМУАРНОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-грамматические средства репрезентации языковой личности в англоязычном мемуарном тексте. В результате анализа автобиографии М. Тэтчер «The Autobiography» были выявлены типичные вербальные единицы, маркирующие языковую личность автора.

Ключевые слова: языковая личность, мемуарный текст, автор, личное местоимение.

EFREMOV B. V.

LINGUISTIC PERSONALITY IN ENGLISH MEMOIR TEXTS

Abstract. The article considers the lexical and grammatical means of representing linguistic personality in English memoir texts. The author analyzes the book of memories of Margaret Thatcher "The Autobiography" to identify the typical language units used to mark the author's linguistic personality.

Keywords: linguistic personality, memoir text, author, personal pronoun.

В настоящее время проблема личности в лингвистике изучается очень активно. Этому способствует направление антропоцентризма в данной научной дисциплине. Пристальное внимание в лингвистике уделено языковой личности из-за того, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к творцу, носителю, пользователю – то есть к человеку, к конкретной языковой личности» [5, с. 8].

Впервые данный термин в научное использование ввел В. В. Виноградов в 1939 году, выделив его в своем произведении «О художественной прозе». Однако автор не смог раскрыть его полностью. Далее Ю. Н. Караулов в конце 80-х годов XX века предложил свое определение языковой личности: «...совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), ...» [5, с. 245].

Е. А. Репина считает понятие «языковая личность» междисциплинарным термином, связанным с философией, социологией и психологией. Человек, по его мнению, является «речевой личностью», «коммуникативной личностью», «словарной этносемантической личностью» [7, с. 16]. Это расширенное понятие языковой личности подтверждает мысль о многогранном значении термина «языковая личность».

Одним из способов получения знания о языковой личности является обращение к текстам, созданными ею. В этой связи в качестве объекта исследования может выступать вербальная презентация автора текста, принадлежащего определенному типу дискурса [6].

По мнению Р. П. Дройнсека, анализ текста позволяет получить следующие сведения о языковой личности его автора:

- индивидуальные сведения об авторе текстов с учетом характера, интересов, его социальных и психологических установок;
- сведения о представителе определенной языковой общности;
- сведения о человеке как носителе естественного языка, использующего знаковые системы [4].

В этой связи важным моментом является то, что человека можно изучить с помощью рассмотрения следующих базовых элементов лингвистической категории «характеристика человека»:

1. характеристика внешнего облика (красивый/ некрасивый, возраст, характеристика отдельных частей тела, анатомических параметров (телосложение, рост), характеристика функциональных и социальных признаков;
2. характеристика интеллектуальных способностей (по степени развитости интеллекта, по речевому поведению и по способности человека рассуждать рационально, адекватно оценивать действительность);
3. характеристика эмоционально-психологического состояния;
4. характеристика индивидуально-личностных черт (подразумевающая характеристику свойств и качеств человека, обусловленных его характером, характеристику волевых качеств и отношения человека к вещам, труду и т. д.);
5. характеристика социального положения (которая определяется следующими показателями: материальное положение, профессиональное положение, положение в обществе);
6. характеристика физиологического и физического состояния, характеристика физиологических процессов, различных ощущений и состояний» [1, с. 30].

Принимая во внимание вышеперечисленные личностные параметры актуальным представляется изучение языковой личности в связи с мемуарным текстом в силу его имманентных свойств.

Понятие «мемуары» вошло в русскую научную терминологию через французский язык (фр. *mémoires* – воспоминания) и от латинского «*memoria*» – память [2, с. 64]. Все тексты принято определять по общим признакам. В лингвистике существует классификация характерных признаков мемуарного текста, обусловленных его сущностью. Подробно признаки мемуарных текстов изучались К. Д. Токаревой и Л. Е. Бушканец. В рамках концепций данных исследователей можно выделить личностные и временные параметры мемуарных текстов.

Личностные параметры. Прежде всего, это абсолютное личностное начало или субъективность, где изучающий текст видит произошедшие события через восприятие автора. За этим признаком идет концептуальность, как отражение взгляда автора мемуарного текста на окружающую его действительность. Следующим признаком мемуарного текста является репрезентативность, в котором проявляется личность автора, прослеживаются цели, в связи с которыми был написан конкретный мемуарный текст.

Временные параметры. Ретроспективность или обращение к прошлому объясняется тем, что изначально сам мемуарный текст обращен к прошедшему времени и пишется только после произошедших событий. Наличие двух временных планов в мемуарном тексте, где автор пишет о событиях прошедшего времени, но описывает это в настоящее время. Далее следует такой признак как «особый хронотоп, обусловленный перспективно-ретроспективным движением мысли автора», что позволяет соединить хронологическую линию (временную связь) с рассуждениями автора [8, с. 219].

Также необходимо отдельно отметить установку на подлинность и документализм в мемуарном тексте, где каждый автор должен в разной степени стремиться к достоверности, несмотря на субъективность в мемуарном тексте [3, с. 25].

Таким образом, очевидно, что такие личностные параметры мемуарного текста как абсолютное личностное начало и установка на подлинность являются прямым выходом на языковую личность автора его создавшего.

С целью исследования вербальной презентации языковой личности в мемуарном тексте нами были проанализированы текстовые фрагменты из книги мемуаров Маргарет Тэтчер «The Autobiography», опубликованной в 2013 году [9]. Выбор данной личности для исследования объясняется тем, что она являлась выдающимся британским политиком второй половины XX века. В этой связи книга мемуаров является уникальной возможностью исследовать языковую личность М. Тэтчер.

Поскольку мемуарный текст дает нам возможность узнать о событиях прошлого с перспективы человека, написавшего его, то в подобных текстах можно отметить частое употребление местоимения 1-ого лица. Они могут использоваться автором в различных целях. Например, сообщение об эмоциональном состоянии, увлечениях, также при перечислении выполняемых личностью действий.

Пример 1. *I greatly admired the special outfits Miss Williams used to wear on important days, such as at the annual school fête or prize-giving, when she appeared in beautiful silk, softly tailored, looking supremely elegant.*

В данном отрывке мы можем наблюдать автора как личность вспоминающую, и эти воспоминания для не приятны. Они связаны с потребностью женщины хорошо выглядеть, то

есть мы узнаем, что для особых случаев есть торжественные наряды. М. Тэтчер в данном примере отличается наблюдательностью, так как она подробно описывает платье, его материал «*beautiful silk*» и крой «*softly tailored*». Также можно отметить положительные эмоции автора при ее участии на ежегодном школьном празднике, где вручались награды. Упоминание о мисс Уильямс говорит нам о том, что она выполняла свою значимую роль в воспитании автора мемуаров. И то, что ей «очень нравились наряды», говорит о большой степени одобрения этих нарядов. Данный факт проявляется при употреблении наречия «*greatly*», глагола «*admire*» и герундиальной конструкции «*looking supremely elegant*».

Пример 2. *We were a musical family. From the age of five my parents had me learn the piano: my mother played too. In fact, I turned out to be quite good, and I was fortunate enough to have excellent teachers and won several prizes at local music festivals.*

В данном отрывке отмечается увлечение семьи музыкой. Также можно отметить упоминание о матери Маргарет Тэтчер, которая тоже играла на фортепиано, значит, у автора был личный пример. Именно во время обучения музыке у нее наблюдается повышение качества игры, оно отмечается наречием «*quite*» прилагательным «*good*». Далее М. Тэтчер отмечает своих учителей и отзывается о них крайне положительно через конструкцию «*fortunate enough*» и прилагательное «*excellent*». Также прослеживается активная жизненная позиция автора при участии в фестивалях. Это помогло ей в дальнейшем при публичных выступлениях.

Пример 3. *I was home and dry — and not just with plenty to spare but with a majority of 16,260, almost 3,500 more than my predecessor. The cheers, always more controlled from Tory than from Liberal or socialist lips, rose. I made my short speech of acceptance, thanked all my splendid helpers, received a warm hug from Denis and walked down from the platform — the elected Member for Finchley.*

В данном примере показано поведение М. Тэтчер после выборов ее на пост премьер-министра. При произнесении победной речи проявляется некая сдержанность эмоций автора. Она прослеживается в перечислении дальнейших действий автора. Однако важно отметить степень довольства собой, за то, что она была выбрана большинством. Тэтчер вежливо поблагодарила помощников и поговорила с единомышленниками, то есть нельзя отметить какой либо ярко выраженной радости. Данный факт говорит о приверженности автора к соблюдению традиций британского политического общества.

Местоимения 2-ого лица в мемуарном тексте говорят о готовности автора мемуарного текста вести диалог или вступать в доверительную беседу. Именно поэтому для нас важна информация, которая дается с помощью данных местоимений. В других случаях 2-е лицо

употребляется обезличенно и тогда оно отображает ни на кого не направленный диалог. Что касается местоимений 3-го лица, то они обозначают окружение автора.

Пример 4. *The worst you could say about another family was that they 'lived up to the hilt'.*

В данном отрывке отмечено негативное отношение местных жителей к расточительным семьям во время детства М. Тэтчер. Здесь используется местоимение *you*, но оно было употреблено безлично, так как в данном случае дается данный факт из жизни автора. Также можно отметить использование превосходной сравнительной степени прилагательного «*bad*» и идиомы «*lived up to the hilt*», чтобы показать образ жизни семьи, который был неприемлем во времена детства автора.

Пример 5. *When fifty years later as Prime Minister I visited Czechoslovakia I addressed the Federal Assembly in Prague and told them: 'We failed you in 1938 when a disastrous policy of appeasement allowed Hitler to extinguish your independence. Churchill was quick to repudiate the Munich Agreement, but we still remember it with shame.'*

В данном примере М. Тэтчер в публичном выступлении в Чехословакии признала ошибочной политику Англии перед началом второй мировой войны по отношению к этой стране. В выступлении автор обратилась к народу Чехословакии. Местоимение «*you*» в данном примере выражает коммуникативность, так как оно подразумевает обращение к народу. Признание ошибок правительства проявляется в прямом обращении «*we failed you, allowed Hitler to extinguish your independence*» и «*we still remember it with shame*».

Пример 6. *I was delighted to hear that you had had twins. How very clever of you. How is this going to affect your position as a candidate?*

В данном примере наблюдается сообщение от Джона Хэер с поздравлением М. Тэтчер о рождении близнецов и связанная с этим радость. Чтобы ее выразить используется инфинитивная конструкция «*delighted to hear*». Далее у Джона Хэер прослеживается беспокойство, которое проявляется в последующем вопросительном предложении. Также здесь находится местоимение *you*, которое в данном примере направлено непосредственно на автора. Проявляется это в том, что Джон Хэер обращается непосредственно к М. Тэтчер. Имея в виду близнецов, мы понимаем, что речь идет о М. Тэтчер и ее политической карьере.

Пример 7. *Pat Hornsby-Smith, his next-door neighbour at Chislehurst, could not have been a greater contrast. She was a fiery, vivacious redhead and perhaps the star woman politician of the time. She had brought the Tory Conference to its feet with a rousing right-wing speech in 1946, and was always ready to lend a hand to other young colleagues: she spoke all around the country. She and I became great friends, and had long political talks at her informal supper parties.*

В данном примере упоминается Пэт Хорнсби-Смит, которая успешно реализовала себя в политической сфере и стремилась дальше продолжать свою карьеру. Это проявляется

в том, что автор упоминает ее, как «звезду» в политической сфере: *«star woman politician of the time»*. Также при доказательстве ее искусства оратора используется идиома *«to bring to its feet»*. Женщина всегда была готова помочь младшим коллегам. Она познакомилась с М. Тэтчер, что говорит о дружелюбности Пэт Хорнсби-Смит.

Пример 8. *My father, a deeply patriotic man, tried to enlist in the army no fewer than six times, but was rejected on each occasion on medical grounds. His younger brother, Edward, did enlist, and died on active service in Salonika in 1917.*

В данном примере говорится о брате отца М. Тэтчер, которому удалось вступить в армию во времена первой мировой войны, в отличие от отца автора. Однако он был убит на службе. В этом проявляется ретроспективность, обращение к своей памяти. Можно отметить то, что в данном примере не наблюдается ярко выраженной эмоциональной окраски при упоминании о покойном дяде. Отмечается только год и место смерти. Вместо подробностей, которые могли бы раскрыть личность дяди, перечисляются только его действия: *«did enlist, and died on active service»*.

Пример 9. *That may make my grandmother sound rather forbidding. Again, not at all. She was a warm presence in the life of myself and my sister. Dressed in the grandmotherly style of those days — long black sateen beaded dress — she would come up to our bedrooms on warm summer evenings and tell us stories of her life as a young girl. She would also make our flesh creep with old wives' tales of how earwigs would crawl under your skin and form carbuncles. With time on her hands, she had plenty to spare for us.*

В данном примере упоминается бабушка М. Тэтчер, которая любила своих внуков. Можно отметить, что она была доброй и рассказывала им интересные страшные истории, чтобы развлечь девочек. Отношение автора к бабушке проявляется в подробном описании ее одежды: *«long black sateen beaded dress»*, что говорит о том, что она проводила много времени с ней. Также это проявляется в использовании инфинитивных конструкций: *«She would also make our flesh creep... she had plenty to spare for us»*. Рассмотренный текстовый фрагмент говорит о том, что М. Тэтчер и ее бабушка были достаточно близки.

Таким образом, языковая личность автора в мемуарном тексте Маргарет Тэтчер «The Autobiography» на лексико-грамматическом уровне вербализуется посредством следующих личных местоимений: *I*, *me* и *you*. На уровне содержания наблюдается достаточно четкое тематическое разграничение употребления личных местоимений в данном мемуарном тексте. Так, местоимения *«I»* и *«you»* (личное) используются преимущественно в текстовых фрагментах, повествующих о личной жизни и эмоционально-психологическом состоянии автора. Обезличенное *«you»* используется в текстовых фрагментах, посвященных профессиональной жизни автора как политического деятеля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андросова С. А., Синельников Ю. Г. Структура лингвистической категории «Характеристика человека» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – №1 – 2014. – С. 27–31.
2. Большая советская энциклопедия: Т. 16 / Глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – 616 с.
3. Бушканец Л. Е. Проблема достоверности литературных мемуаров и современные концепции нейрофизиологии памяти // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2015. – №2, Том 157. – С. 19–27.
4. Дронсейка Р. П. Понятие «языковая личность» [Электронный ресурс] // Филологические науки. Теоретические и методологические проблемы исследования языка. – 2008. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/13_NPT_2008/Philologia/31792.doc.htm (дата обращения: 07.06.2021).
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
6. Панфилова С. С. Вербальная презентация автора англоязычной литературной рецензии в аспекте гипертекстуальности // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 3. – С. 89–92.
7. Репина Е. А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат: Монография – М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2012. – 91 с.
8. Токарева К. Д. Временные, пространственные и оценочные средства репрезентации языковой личности автора в англоязычных мемуарных текстах XX – XXI веков // Сборник научных трудов II Международной научно-практической онлайн-конференции "МИР. ЧЕЛОВЕК. ЯЗЫК". – Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2019. – С. 216–224.
9. Thatcher M. The Autobiography. – London: HarperCollins Publishers, 2013. – 1280 p.

ДЕМЕНТЬЕВА М. С., СОМКИН А. А.
ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
СОВРЕМЕННОГО СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультурные особенности спортивного дискурса. Исследуются подходы к определению понятия «дискурс». Дается анализ понятия «спортивный дискурс» в соотношении спортивного контекста, обуславливающего коммуникативное действие (на примере английских команд). Рассматриваются также основные подходы и проблемы изучения спортивного дискурса в современной лингвистической науке.

Ключевые слова: дискурс, спорт, лингвокультурология, текст, содержание, коммуникативная ситуация.

DEMENTYIEVA M. S., SOMKIN A. A.
LINGUOCULTURAL FEATURES
OF CONTEMPORARY SPORTS DISCOURSE: AN ENGLISH-BASED STUDY

Abstract. The paper is devoted to explication of the linguistic and cultural specifics of sports discourse. Approaches to the definition of the concept of “discourse” are studied. The analysis of sports discourse as a part of a sports context within which a communicative action takes place (on the example of the English teams) is given. The main approaches and problems of studying sports discourse in modern linguistic studies are also considered.

Key words: discourse, sport, cultural linguistics, text, content, communicative situation.

В настоящее время сфера спорта активно развивается и является одной из значимых областей человеческой деятельности, которая включает в себя общественно-политические, финансовые и экономические аспекты. Из-за возникновения новых спортивных реалий в языке появляются новые слова, словосочетания и термины, которые характеризуют данную сферу. Тем самым данный процесс обогащает лингвистические системы языков и образует большой пласт новой лексики в каждом из них.

В современной лингвистической науке понятие «дискурс» является одним из ключевых. Это обуславливает его принципиальную важность и широту употребления и как следствие отсутствие некоего терминологически единого содержания. Так, термин «дискурс-анализ» впервые был введен в работах З. Харриса [6]. Однако его разработка и включение в понятийный аппарат лингвистической науки началось два десятилетия спустя.

В настоящее время понятие «дискурс» является объектом пристального интереса со стороны множества социально-гуманитарных наук, изучающих его с разных качественных позиций: от его социальной значимости (в работах философов, социологов, антропологов, этнологов, психологов и т.д.) до узко лингвистической составляющей (в рамках специализированных дисциплин – семиотики, лингвокультурологии, психолингвистики и др.). Все это не может не добавлять трудностей в дифференциации данного понятия.

Так, общепринятые трактовки понятия «дискурс» основываются на трех основных подходах [2, с. 86].

Рассмотрим их подробнее. Итак, первый подход базируется на теоретических положениях структурно ориентированной (т. е. описываемой с точки зрения формального строения и организации языка) лингвистики. Сторонники такого подхода трактуют дискурс просто как «язык выше уровня предложения или словосочетания» [Ibid., С. 86]. Внимание исследователей при таком понимании фокусируется на выявлении и изучении специфики функционирования одних элементов дискурса в их взаимоотношениях с другими схожими элементами. При этом игнорируется такая важная часть как внешний контекст, безусловно, оказывающий значимое влияние на функционал данных элементов.

В рамках второго подхода предполагается спецификация сущностных характеристик дискурса, исходя из его понимания как некоей разновидности максимально возможного функционального «употребления языка» в целом. Однако при таком подходе анализ функций дискурса подменяется экспликацией функций самого языка, хотя и охватывающей самый широкий социокультурный контекст.

И, наконец, третий подход предполагает рассмотрение дискурса как целостную смысл содержащую систему высказываний, конструируемую на основе взаимодействий форм и функций языка. При этом нужно иметь в виду то факт, что в данном случае отнюдь не предлагается трактовать дискурс как скомпилированную из изолированных языковых единиц конструкцию. Напротив, здесь акцент делается на том, что указанная совокупность организованных языковых единиц является функционально и контекстуально единой системой [Ibid., с. 86].

Небезынтересно, также будет указать на попытку разграничить понятия «дискурс» и «текст», предпринятую европейскими учеными-лингвистами в конце XX века, дополнив данный понятий ряд категорией «ситуация». До этого момента рассматриваемые понятия выступали преимущественно как взаимозаменяемые.

Как итог, данная попытка привела к идее создания универсальной формулы, согласно которой дискурс есть «текст плюс ситуация». Соответственно, текст, при таком подходе, определялся по формуле: «дискурс минус ситуация». «Здесь нашла свое выражения общая

тенденция к восприятию дискурс-анализа в качестве достаточно широкого подхода к исследованию языковой коммуникации, характеризующегося, с одной стороны, повышенным интересом к более объемным, чем предложение, отрезкам речи, а, с другой, – пристальным вниманием к социальному контексту коммуникативной ситуации» [3, с. 74].

Нидерландский лингвист Т. ван Дейк, много лет занимавшийся данной проблематикой, описывает дискурс как «комплексное коммуникативное событие, составляющими которого является наличие адресата и адресанта, а также коммуникативного действия, происходящего в определенном контексте (временном, пространственном, и т.д.)» [5], (т. е. *хронотопе*, по М. М. Бахтину – М. Д.).

Свои дальнейшие рассуждения мы будем выстраивать на основе вышеприведенной дефиниции Т. ван Дейка. И тогда, отправной точкой будет выступать положение о том, что ключевой характеристикой спортивного дискурса является контекст спортивной ситуации (соревнования, открытые тренировки, спортивные репортажи, комментарии, интервью, болельщики и т.д.), внутри которой и совершается акт коммуникации (коммуникативное действие) между адресантом и адресатом. При этом, важное место среди особенностей спортивного дискурса безусловно занимает невербальная сопоставляющая (собственно говоря, спорт любят и им занимаются за то, что он дарит яркие эмоции как спортсменам, так и болельщикам!) (см. рис. 1).

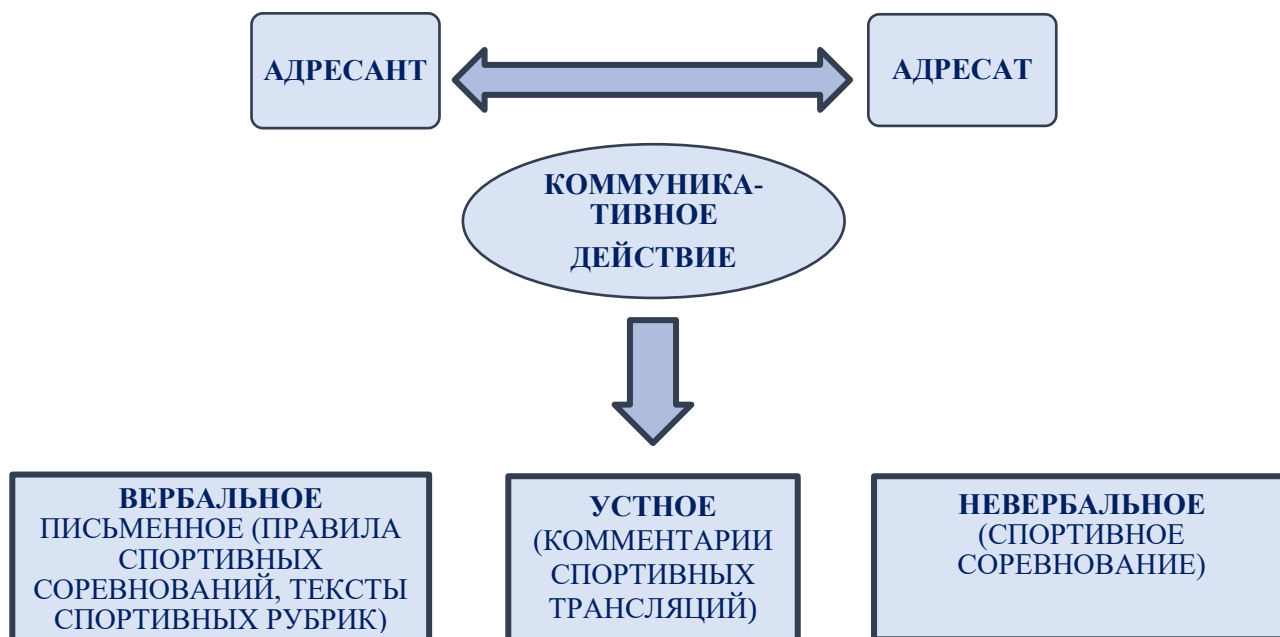

Рис. 1. Схема спортивного дискурса по определению, представленному Т. ван Дейком.

Данной точки зрения на понимание специфики спортивного дискурса придерживаются в своих работах, например, А. Б. и Б. А. Зильберт. Так, указанные авторы вполне обоснованно полагают, что «для отнесения дискурса к спортивному в любом виде общения из трех элементов коммуникации – субъекта, адресата, содержания общения – достаточно содержания (это относится, прежде всего, к сфере масс-медиа)» [1, с. 45].

Таким образом, если попытаться представить дискурс как речевой акт (т. е. форму общения людей с помощью языковых конструкций по строго установленным правилам) в виде схемы, то, тогда его спортивный вариант будет также представлять собой речь, но вживленную в соответствующую коммуникативную ситуацию, каковой в нашем случае будет выступать спортивная ситуация.

Таким образом, анализ спортивного дискурса в рамках лингвокультурологии позволяет выявить его особенности с точки зрения его культурного кода, ценностных ориентаций, специфики национальных моделей речевого поведения.

По мнению А. Б. Зильберта, основная проблема выявления специфики спортивного дискурса для исследователя заключается в его высокой интертекстуальности, определяемой как «свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» [1, с. 50]. Он полагает, что невозможно выделить спортивный дискурс что называется «в чистом виде. Поскольку культура и язык тесно переплетены между собой, то язык способен выступать симультанно и как носитель культурного содержания, и как орудие ее социального воспроизводства. Образно выражаясь, язык и культура – две стороны одной медали. Поэтому, изучая язык (неважно, родной или иностранный), перед исследователем неизбежно раскрываются и определенные характерные черты и самой культуры.

С другой стороны, национально-культурная специфика находит свое безусловное отражение в языке спортивных текстов всех уровней. Так, в частности, на лексическом уровне национально-культурная специфика может проявлять себя в подборе таких терминов и фразеологических конструкций, которые могут в значительной мере затруднить понимание такого сообщения адресатом, не владеющим в необходимой мере знаниями о спорте.

«Благодаря высокой полемичности и сочетаемости слов, связанных со спортивной тематикой, равно как и лексическим и грамматическим конверсиям в речи реализуются основные лингвокультурные характеристики концепта "спорт" – это, прежде всего, борьба, соперничество, сила. Эмоциональный накал спортивных состязаний в текстах передается с помощью таких стилистических средств, как метафоры и фразеологические конструкции, а также эмоционально окрашенной лексики» [4, с. 157].

Кроме того, для повышения экспрессивности текстов спортивного дискурса на морфологическом уровне, авторы могут сознательно идти на нарушение грамматических норм.

При этом, синтаксические средства также помогают выполнять прагматические задачи в качестве дополнительного усиления экспрессивности и ритмического рисунка спортивного высказывания. Для этой цели в структуре текстов, например, англоязычных сообщений, намеренно применяются такие синтаксические конструкции как эмпфаза, параллелизм и инверсия.

Например, большинство номинаций команд в английском и американском футболе связано с городом, в котором эта команда основана или тренируется: Liverpool FC, Southampton FC, Bornemouth FC. Часто к топониму добавляется слово «city», «город»: Leister City FC, Manchester City FC, Stoke City FC. Кроме того, к топониму часто добавляют причастие «united»: Westham United FC, Minnesota United FC, Atlanta United FC. При этом, Cambridge Dictionary дает следующие значения для слова «united»: «joined together as a group» («объединенные в группу») и «if people are united, they all agree about something» («когда люди объединяются, они все согласны в чем-то»). Таким образом, в наименовании команды стремятся подчеркнуть факт объединения, согласия, наличия единой цели и командного духа.

Также, употребляются следующие наименования (на примере английских команд), для которых характерно использование существительных, принадлежащих к следующим тематическим группам

1. Зоонимы (Edinburgh Wolves FC, Royal Eagles FC, Barford Tigers HC, Grizzlies BC). При помощи зоонимов подчеркиваются такие качества, как скорость, агрессивность, ловкость, сплоченность команды.

2. Природные явления (Tampa Bay Lightning HC, Dallas Stars HC, Carolina Hurricanes HC, Colorado Everlanch HC). Такие природные явления отражают скорость, молниеносность, яркость спортсменов, выступающих за клуб.

3. Названия титулов (Real Kings FC, Royal Antwerp FC, Utah Royals FC Kings BC, Ottawa Senators HC, Los Angeles Kings HC). «King» и «Royal» вызывают ассоциации с величием, с волей, властью, мудростью игроков, а также умением защищать свои границы.

4. Названия «деструктивных героев» (Saracens FC, Orlando Pirates FC, New Jersey Devils BC). Такие названия подчеркивают смелость, агрессивность и безжалостность к противнику.

5. Музыкальные направления (Utah Jazz BC, Saint Louise Blues BC). Использование таких лексем подчеркивает особенности местности, в которой клуб основан. Так, в случае с Utah Jazz BC, команда базировалась в Новом Орлеане, родине джаза, и впоследствии

переехала в Юту. Чтобы не потерять болельщиков, они сохранили лексему «Jazz» в своем названии.

6. Отражение некоторых экономических черт региона (Pittsburg Steelers, Edmonton Oilers). Так, Питтсбург – это столица сталелитейной промышленности. В то время как в Эдмонтоне находится один из центров нефтяной промышленности.

Таким образом, завершая анализ лингвокультурной специфики спортивного дискурса, можно сделать некоторые предварительные выводы.

В самом общем виде под дискурсом понимается текст в сочетании с паралингвистическими характеристиками (по формуле «текст + ситуация»). Без выявления особенностей дискурса невозможно в полной мере понять ни языковые, ни коммуникативные явления.

Исходя из выше приведенного определения, можно заключить, что основной характеристикой спортивного дискурса является спортивная ситуация, в рамках которой и происходит разворачивание процесса коммуникации. Кроме того, важно помнить о такой черте спортивного дискурса как высокая интертекстуальность, препятствующая четкому и однозначному маркированию границ данного явления. Выявление лингвокультурной специфики спортивного дискурса требует от исследователя принимать во внимание как и национально-культурные особенности языка, так и речевые структуры самого спортивного сообщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зильберт А. Б., Зильберт Б. А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2001. – С. 44–55.
2. Макаров М. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 277 с.
3. Сомкин А. А. Культуроцентризм как основное направление формирования современной социогуманитарной парадигмы // Язык. Культура. Общество. – 2011. – С. 74–77.
4. Сомкин А. А., Сомкина А. Н., Пищина М. О. Механизмы оценочной стереотипизации и мифологизации в формировании образа России в современном российском и американском медиадискурсе // Гуманитарные науки и образование. – 2020. – Т. 11. № 4(44). – С. 153–160.
5. Фауль Б. В., Демин Т. С. Теун Ван Дейк и современный дискурс-анализ [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. – 2015. – № 9. – Режим доступа: <https://philology.snauka.ru/2015/09/1686> (дата обращения: 12.05.2021).
6. Harris Z. Discourse analysis // Language. – 1952. – Vol. 28. No 1. – P. 1–30.

КИЯТКИНА Е. А.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «HOUSE»

В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественного концепта «house». Посредством сравнения лексем «house» и «home» выявлены общие когнитивные признаки и концептуальные области концепта «house». Проанализировав особенности употребления лексемы «house» в художественных текстах, определено, что в текстах английской художественной литературы концепт «house» соответствует своему базовому слою «здание, в котором проживает семья», а также приобретает новое содержание в соответствии с авторской картиной мира.

Ключевые слова: вербализация, концепт, художественный концепт, дом, house, англоязычные произведения, репрезентация.

KIYATKINA E. A.

VERBALIZATION OF THE CONCEPT "HOUSE" IN ENGLISH FICTION TEXTS

Abstract. The article presents a study of the artistic concept "house". By comparing the lexemes "house" and "home", common cognitive features and conceptual areas of the concept "house" were identified. Having analyzed the peculiarities of the use of the lexeme "house" in literary texts, it was determined that in the works of English literature the concept "house" corresponds to its base layer "the building in which the family lives", and also acquires new meanings in accordance with the author's worldview.

Keywords: verbalization, concept, artistic concept, house, house, English-language works, representation.

Особый интерес у современных лингвистов вызывает исследование концептов как ментальных единиц, отражающих явления действительности в зависимости от индивидуальной картины мира носителя языка. Актуальным направлением в лингвокультурологии является изучение художественных концептов. Лингвисты соглашаются во мнении, что художественные концепты репрезентируют личный субъективный жизненный опыт носителя языка и национальную языковую картину мира.

Одним из базисных художественных концептов в английской концептосфере выступает концепт «house», который отличается ценностной значимостью в отражении индивидуальной картины мира автора художественного текста. Подобного мнения придерживается И. С. Кузьмина, которая подчеркивает, что основным концептом

концептосферы «жилище» следует считать концепт «house», репрезентируемый лексемами английского языка, идентифицирующими человеческое жилище [4].

Исследования художественного концепта «house» представлены в работах С. М. Богатовой, Т. П. Желонкиной, И. В. Давыденко, Е. А. Черняковой, А. А. Подкопаевой, И. С. Карабулатовой, А. И. Черемисиной.

Для анализа базовых когнитивных слоев и признаков концепта «house» лингвисты используют языковую оппозицию «house» и «home», которые имеют разные содержания в лингвокультуре англичан. При обращении к словарю «Oxford Learner's Dictionary» [10] выявлены следующие дефиниции лексем-репрезентант «house» и «home».

HOUSE

1. Это здание, которое служит для проживания одной семьи: They went from house to house, begging for food.
2. Жильцы, проживающие в доме: Be quiet or you'll wake the whole house!
4. Дом или династия: the House of Windsor (= the British royal family).
5. Коммерческое учреждение: a fashion/banking/publishing house.

HOME

1. Место, где живет твоя семья: He left home (= left his parents and began an independent life) at sixteen.
2. Собственность: He'd always dreamed of owning his own home.
3. Страна, штат или город, в котором ты живешь: Jane left England and made Greece her home.
4. Семья: She came from a violent home.
5. Среда, подразумевающая комфорт и безопасность: We haven't found a home for all our books yet.

Анализируя значения и употребление лексем «house» и «home», специалисты сходятся во мнении, что данные лексические единицы имеют существенные отличия. С точки зрения когнитивного аспекта С. М. Богатова утверждает, что концепт «house» имеет несколько когнитивных слоев: 1. жилое здание; 2. совокупность людей, которая по определенным причинам относится к зданию. В ядре концепт «house» предстает «как материальный объект, то есть подчеркивается внешний аспект строения и принцип группировки людей по внешним обстоятельствам» [1].

Т. П. Желонкина отмечает, что «house» включает в себе денотативное содержание, а «home» – коннотативное [3]. И. В. Давыденко, анализируя концепты «house» и «home» и их значения, вводит понятия теплая картина мира, в которой профилируется понятие «home» и

холодная картина мира, в которой профилируется понятие «house». Знание в холодной картине мира отличается объективностью и независимостью, оно строго подчиняется физическим законам, в то время как в теплой картине мира знание – продукт внутреннего, эмоционального мира человека [2, с. 75-81]. К выводу, что концепт «home» отличается своей эмоциональной окрашенностью, приходит Е. А. Чернякова в исследовании данного концепта посредством фразеологических единиц. Е. А. Чернякова связывает понятие «home» с данными сочетаниями: «дом, домашний очаг, уют» [9, с. 1-10].

Несмотря на разные подходы к изучению концептов «house» и «home», специалисты сходятся во мнении, что культурно-значимый концепт «дом» в английском языке репрезентируется двумя базовыми лексемами, имеющими разные концептуальные признаки: лексема «house» отражает материальное воплощение здания, а «home» ассоциируется с местом, где человек чувствует тепло, уют и любовь.

Однако выявленный общий концепт «house» может не совпадать с художественным концептом «house», о чем свидетельствуют исследования произведений английской литературы. В художественных текстах «house» приобретает новые значения, зачастую включая коннотативное содержание из-за особенностей индивидуального восприятия мира автором.

Рассмотрим художественный концепт «house» в таких произведениях английской классической литературы как «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, «Кентервильское привидение» Оскара Уайльда, произведениях Джона Голсуори и Джорджа Макдональда.

Джейн Остин – английская писательница XIX века, чье творчество характеризуется простотой сюжетов и искусным описанием человеческой психологии. Джейн Остин изучала в своих произведениях обыденную жизнь аристократии в английской провинции XIX века. Очевидно, что тема «дом» оказывается одним из главных в произведениях Остин, поэтому рассмотрим этот концепт в ее лучшем романе «Гордость и предубеждение».

Согласно А. А. Подкопаевой и И. С. Карабулатовой, концепт «house» в романе «Гордость и предубеждение» содержит два элемента. Во-первых, писательница приводит идеальный пример английского дома, соответствующий в своем ядре базовому значению лексемы «house» – здание для проживания одной семьи. Во-вторых, Джейн Остин придает концепту свою интерпретацию, включающую ее индивидуальную картину мира: Остин жила во времена, когда в обществе процветал сексизм и пренебрежительное отношение к женщинам, что глубоко трогало писательницу. По этой причине «house» здесь предстает клеткой, скукой, бытом, заботами, безнадежностью, смирением для девушек в сексистском мире. Неоднократно в своих романах Дж. Остин подчеркивала как скучна и монотонна

жизнь девушек, что их разговоры не отличались глубиной мысли, они ограничивались бытовыми вопросами. Пространство родного дома по Джейн Остин – это статичное пространство [5]. В связи с этим художественный концепт «house» приобретает новую окраску.

А. А. Подкопаева и И. С. Карабулатова подчеркивают, что для англичан того времени большее значение имели внешние, материальные признаки дома, его убранство, а вовсе не такие тонкие эмоциональные составляющие как уют, спокойствие, тепло и любовь: *They found themselves at the top of a considerable eminence, where the wood ceased, and the eye was instantly caught by **Pemberley House**, situated on the opposite side of a valley, into which the road, with some abruptness, wound. It was a large, handsome, stone building, standing well on rising ground, and backed by a ridge of high woody hills* [5].

Другое произведение классической английской литературы, «Кентервильское привидение» Оскара Уайльда, может послужить хорошим материалом для исследования концепта «дом». Центром произведения выступает столкновение культур – американской и английской. Отис, типичная американская семья того времени, противопоставляется старинному английскому замку с привидением сэром Саймоном.

Подкопаева А. А. в своем исследовании определяет набор характеристик, составляющих классическое понимание концепта «дом» по Оскару Уайльду. В его представлении «дом» – старинное здание с красивым местоположением и слугами: *“You are certainly very natural in America”, answered Lord Canterville, who did not quite understand Mr. Otis's last observation, “and if you don't mind a ghost **in the house**, it is all right. Only you must remember I warned you”* [6].

Также в понимании О. Уайльда дом – это знатная семья со своей историей и даже привидением: *The subjects discussed, as I have since learned from Mr. Otis, were merely such as form the **ordinary conversation of cultured Americans of the better class**, such as the immense superiority of Miss Fanny Devonport over Sarah Bernhardt as an actress; the difficulty of obtaining green corn, buckwheat cakes, and hominy, even **in the best English houses**; the importance of Boston in the development of the world-soul; the advantages of the baggage-check system in railway travelling; and the sweetness of the New York accent as compared to the London drawl* [6].

Обращаясь к творчеству Дж. Макдональда, мы сталкиваемся с явной оппозицией шотландского и английского. Писатель относился к Шотландии с любовью и сравнивал ее с символом духовности, мужества, честности.

А. И. Черемисина описывает, что концепт «house» оказывается эмоционально окрашен и семантически расширен Дж. Макдональдом. В его картине мира «дом» – это

целая вселенная как высшая ценность жизни. Также посредством концепта используется Макдональдс как средство описания характеров персонажей: дом-библиотека начитанного Вейна (роман «Лиллит»), величественный особняк Склейтегов, заботящегося о своей репутации (роман «Сэр Гибби»). Дом в произведениях писателя становится сочетанием обыденной жизни, заключающей основу действительности его обитателей, и сущность всей человеческой жизни [8].

Как и в произведениях Джейн Остин, Голсуорси показывает стремление англичан к роскоши в своем доме, игнорируя духовную составляющую. Дом Форсайта – это дом вещей и манер, где истинные чувства глубоко скрывались и где понятие любви имело не столько эмоциональную, а сколько практическую окраску. А. А. Подкопаева и И. С. Карабулатова отмечают, что в романе «Сага о Форматах» Голсуорси ярко отразил семантику концепта дом, а также включил новые значения. Кроме базовых слоев в концепт интегрированы значения «счастье», «роскошь», «манеры», «идеал», при этом исключаются основные значения «семья», «любовь» и «тепло». Экстерьеры и интерьеры домов производят впечатление эталона, в котором нет места чувствам, тем самым подчеркивается стремление английской буржуазии продемонстрировать свое финансовое благополучие [7].

Таким образом, концепт дом, выраженный лексемой «house» в произведениях английской литературы, соответствует своему базовому слою «здание, в котором проживает семья», а также приобретает новое содержание в соответствии с авторской картиной мира. Согласно рассмотренным художественным произведениям, «house» в английской концептосфере выступает в первую очередь как совокупность внешних характеристик («Сага о Форматах» Джон Голсуорси, «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, «Кентервильское привидение» Оскар Уайльд), репрезентирующая уровень успеха и степень знатности проживающей семьи, что обусловлено особенностью английской языковой картиной мира. Тем не менее, семантическое поле концепта расширяется посредством дополнительных значений, приобретаемых в соответствии с индивидуальной картиной мира авторов: скука, смирение (Джейн Остин); счастье, высшая ценность, любовь (Дж. Макдональд); эталон, идеал (Джон Голсуорси). В результате происходит обогащение и усложнение структуры художественного концепта «house».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатова С. М. Концепт "дом" как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006. – 22 с.

2. Давыденко И. В. Концепт дом – house / home в значениях синонимов существительных home и house – имен концепта // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. – 2012. – Вип. 70. – № 1003. – С. 75–81.
3. Желонкина Т. П. Языковая репрезентация концепта жилище как национальная особенность англоговорящего социума [Электронный ресурс] // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2007. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-kontsepta-zhilische-kak-natsionalnaya-osobennost-anglogovoryaschego-sotsiuma> (дата обращения: 08.06.2021).
4. Кузьмина И. С. Когнитивно-референциальные особенности текстопостроения художественных произведений для детей (на материале английского языка): дисс.. канд. филол. наук. – Саранск, 2012. – 207 с.
5. Подкопаева А. А., Карабулатова И. С. Вербализация концепта "Home/ House" в романе "Гордость и предубеждение" Джейн Остин [Электронный ресурс] // МНКО. – 2018. – №3 (70). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-kontsepta-home-house-v-romane-gordost-i-predubezhdenie-dzheyn-ostin> (дата обращения: 06.06.2021).
6. Подкопаева А. А. Реализация концепта «Дом» в повести О. Уайльда «Кентервильское привидение» // Тамбов: Альманах современной науки и образования. – № 8. – (27) 2009. – Часть 1. – С. 115–118.
7. Подкопаева А. А., Карабулатова И. С. Вербализация концепта "Home/House" в романах "Собственник", "Последнее лето Форсайта", "В петле", "Пробуждение", "Сдается внаем" Джона Голсуорси [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-kontsepta-home-housstvennik-poslednee-leto-forsayta-v-petle-probuzhdenie-sdaetsya-vnaem-dzhona-golsuorsi> (дата обращения: 06.06.2021).
8. Черемисина А. И. Концепт «Дом» («Home / House») в романах Дж. Макдональда [Электронный ресурс] // Вестник ННГУ. – 2015. – №2-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-dom-home-house-v-romanah-dzh-makdonalda> (дата обращения: 06.06.2021).
9. Чернякова Е. А. Выражение наиболее значимых концептов английского и французского национальных культурных миров через фразеологические единицы. – Гомель: Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, 2011. – С. 1–10.
10. Oxford Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 09.02.2018).

СЕКАЕВА А. Ю.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕАССИМИЛИРОВАННЫХ
ИСПАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АМЕРИКАНСКИХ СМИ**

Аннотация. В статье представлено исследование роли неассимилированных испанских заимствований в американских средствах массовой информации. Автор описывает экстралингвистические факторы появления испанизмов на территории США, а также рассматривает влияние коннотативных значений неассимилированных испанских заимствований на содержание текстов статей американских газет. В результате проведенного анализа у неассимилированных испанских заимствований были выделены определенные коннотации.

Ключевые слова: испанские неассимилированные заимствования, коннотация, коннотативное значение, семантика, США.

SEKAYEVA A. YU.

UNASSIMILATED SPANISH BORROWINGS IN US MASS MEDIA

Abstract. The article aims at studying the role of unassimilated Spanish borrowings in the US mass media. The author describes the extra-linguistic factors of Spanish borrowings occurrence in the USA and also analyses the influence of connotative meanings of unassimilated Spanish borrowings on the content of the American articles. As a result, certain connotations of the discovered Spanish borrowings were distinguished in the texts of the US newspaper articles.

Key words: unassimilated Spanish borrowings, connotation, connotative meaning, semantics, USA.

Исследования в области лингвистики невозможно представить без обращения к СМИ, так как именно медиа-дискурс отражает основные изменения в словарном составе того или иного языка. Средства массовой информации не только оказывают огромное влияние на общественность, но и отражают изменения в обществе. В результате чего, на основе материалов СМИ можно проследить, каким образом события в стране влияют на тенденции в развитии и функционировании языка.

Как известно, словарный состав любого языка по разным данным состоит на 70% из заимствований. Существуют различные типы заимствований, например, по степени ассимилированности слов выделяют:

- полностью ассимилированные;
- частично ассимилированные;

- неассимилированные (варваризмы).

Последние вызывают особый интерес среди исследователей в области лингвистики, так как их употребление чаще всего имеет определенную прагматическую функцию в высказываниях, опубликованных в СМИ. Действительно, неассимилированные заимствования необходимы не только для того чтобы заполнить культурологические и языковые лакуны, но и для того чтобы привлечь внимание читателя. Таким образом, неассимилированные заимствования выполняют особые функции в СМИ:

- придают эмоциональную окраску высказыванию;
- передают особенности культурных реалий;
- выражают оценку.

В качестве материала исследования были рассмотрены американские СМИ. Согласно статистическим исследованиям, большой этнический пласт в США занимают граждане, эмигрировавшие из испаноязычных стран (Мексика, Куба, Доминиканская Республика и др.). В результате увеличения количества эмигрантов использование заимствований значительно выросло. Более того, согласно статистическим прогнозам ожидается, что популяция латиноамериканцев на территории США увеличится на половину к 2060 году, а популяция коренных американцев наоборот – уменьшится, что является дополнительным фактором для частоты употребления испанских заимствований.

Американское лингвистическое сообщество уже в 1990-х гг. было обеспокоено «пагубным влиянием» испанского языка на английский язык, вследствие этого возникло движение EnglishOnly. Помимо этого, создавались различные некоммерческие организации по сохранению национального языка (ProEnglish). Безусловно, власти США также стремились сохранить национальный язык путем введения законов по защите английского языка. Однако жители штатов запротестовали и обвинили законодательную власть в расизме, напомнив о том, что США это «плавильный котел» и дискриминация национальных меньшинств недопустима. С тех пор ничего не изменилось, власти все еще хотят узаконить статус английского языка во всех штатах, но, несмотря на это испанский язык распространяется по всем штатам и набирает популярность.

Таким образом, неассимилированные испанские заимствования все чаще используются в американских СМИ. Они отражают культурные особенности испаноговорящего населения, придают эмоциональной окрашенности высказыванию. Однако иногда они меняют свое исходное значение в зависимости от контекста, в котором употребляются. Следовательно, в исходном лексическом значении слова, т.е. денотативном значении, можно обнаружить коннотативный элемент, в зависимости от речевой ситуации.

В. В. Елисеева отмечает, что денотативное значение слова передает общее логическое понятие, а коннотативный компонент слова наделяет его дополнительным оттенком [6].

И. В. Арнольд понимает под денотацией прямое, буквальное лексическое значение слова, называющее предмет, о котором идет речь. «Коннотация – это прагматическая и коммуникативная ценность, которой слова наделяются в зависимости от того: где, когда, как, кем, для каких целей и в каком контексте они используются» [2].

Традиционно выделяют 4 типа коннотаций:

1. стилистическая коннотация слова появляется в зависимости от цели и вида коммуникации, а также с учетом социальных обстоятельств и социальных отношений между собеседниками;

2. эмоциональная коннотация приобретает словом в случаях, когда говорящий использует слово во вторичном значении для выражения собственных чувств и придания высказыванию эмоциональной окраски;

3. оценочная коннотация слова появляется как результат одобрения или неодобрения чего-либо автором высказывания;

4. экспрессивная коннотация приобретает словом для усиления тех или иных качеств предмета; и таким образом придания высказыванию экспрессивности [2].

В соответствии с вышеуказанным, неассимилированные испанские заимствования играют немаловажную роль в американском медиа-дискурсе. Кроме того, зная определение коннотации и ее типов, мы можем выявить в неассимилированных испанских заимствованиях «скрытые» смыслы. Для практического анализа рассмотрим примеры испанских заимствований с нейтральной семантикой.

В нижеприведенных примерах из статей разделов: «мнения» и «развлечения», используется слово «fiesta» (в переводе с испанского значит «праздник, вечеринка»). Конечно, в английском языке также есть слова, имеющие похожую семантику (пер. party, festival, fest). Однако слово «fiesta», употребленное с экспрессивной коннотацией, говорит о том, что авторы статей на указанные тематики стремятся привлечь внимание к содержанию статей модными варваризмами, тем самым усиливая исходное значение слова:

1. “When we hear of *Pride* marches today, we tend to think of fuss and feathers, of men more than half-naked waving from rainbow-hued... They are **fiestas** that percolate through the cities and sometimes small towns of the developed world...”

2. “Quick crib sheet: *haute couture* (or let’s just call it “couture” for simplicity’s sake) is a twice-yearly five-day show **fiesta** in Paris where a select handful of brands produce hand-made-to-order garments that cost approximately \$10,000 to \$100,000 a piece.”

В нижеуказанном отрывке слово “**fiesta**” употреблено в стихотворении с эмоциональной коннотацией, с целью создания эмоциональной окраски и предвосхищения темы испанской кухни: *Feeling **Fiesta** today? Happy Taco Tuesday! Calories don't count during a pandemic.*

Экспрессивную коннотацию можно заметить в заимствовании “**aficionado**” (пер. addict, fan, lover). В следующих примерах оно употребляется, либо, для того чтобы поддержать тему статьи связанной с испаноговорящим населением, либо для того чтобы усилить степень увлеченности каким либо видом деятельности:

4. “*She [Alexandria Ocasio-Cortez] speaks like a pop culture **aficionado**. She describes Washington like someone fresh to the city and to its civics lessons...*”

5. “*The United States has a varied community of tea **aficionados**, of course, but the nation’s best-known tea magazine, Tea Time, is flush with recipes for lavender scones...*”

6. “*Mr. Arikawa is regarded by many jewelry **aficionados** to be one of the world’s leading collectors...*”

7. “*Only about 100 collectors, luxury jewelers and diamond **aficionados** were invited to view the gems...*”

Рассмотрим другие неассимилированные испанские заимствования, употребленные в экспрессивной коннотации. Например, заимствование “**barrio**” (пер. район). Оно употребляется чаще всего в значениях:

- бедный район в США, в котором проживает испаноговорящее население;
- район в испаноговорящей стране.

Следовательно, в первом отрывке “**barrio**” передает негативную экспрессивной коннотацию, а во всех остальных примерах заимствования с помощью отсылок к Латиноамериканским странам указывается на то, что районы находятся в испаноязычных странах:

8. “*But there were still other expenses, and for my mum – someone without a college education, someone who dropped out of high school while growing up in the **barrio** of East Los Angeles – the opportunities to return to work after the divorce were limited.*”

9. “*The people of Venezuela’s largest slum were used to the blackouts that halt the flow of water, exhaust their supplies of expensive candles...But this would not be like any other lightless night in the hillside **barrio**.*”

10. “*DePalma tells his tale through five ordinary Cubans in the off-the-tourist-track, patholed **barrio** of Guanabacoa.*”

Рассмотрим следующее заимствованное испанское выражение «**mano-a-mano**» (пер. рукопашный, один на один), которое также имеет свои эквиваленты в английском языке:

«hand-to-hand, one-on-one». Первый пример приведен из фильма «The Edge», где герой Энтони Хопкинса сразился в «рукопашном» бою с медведем, и автор статьи употребляет данное заимствование с целью привлечения внимания к схватке. В таком же значении “mano-a-mano” употребляется и в нижеуказанных статьях, в которых речь ведётся также о решающих сражениях. Во втором примере два баскетболиста сразились один на один в решающем матче. В третьем примере, в боевике «The Old Guard», главная героиня – Энди также вступила в бой с врагом один на один.

11. “*The Edge*”, in which Hopkins went **mano a mano** with a bear...

12. “*NBA fans got exactly what they wanted Friday night: an extended, **mano-a-mano** showdown between Giannis Antetokounmpo and LeBron James.*”

13. “*The Old Guard feels overlong by the time Andy faces her final **mano-a-mano** showdown; the movie earns its running time by creating memorable characters.*”

Очевидно, что в вышеупомянутых категориях статей, неассимилированные заимствования употреблены с положительной оценочной коннотацией. Тем не менее, помимо разделов «развлечения», «мнения» имеются и другие разделы, в которых неассимилированные испанские заимствования чаще приобретают негативную коннотацию. К подобным разделам относится раздел новостей, а именно – политических новостей. Следует отметить, что политическая коммуникация имеет целью воздействие на массовую аудиторию для убеждения в правильности осуществляемого курса политического лидера и дискредитации его оппонентов. Для достижения данной цели активно используются языковые инструменты, несущие ярко выраженный эмоционально окрашенный компонент. Подобные средства принадлежат к самым разным уровням языка, как, например, метафора или прагматически обусловленное использование иноязычных заимствований [3, с. 43].

Рассмотрим в качестве примера, упомянутое выше заимствование – «mano-a-mano»:

14. “*The back-and-forth between Trump and Biden has long resembled a testosterone-filled, **mano-a-mano** bluster between the high school jocks they used to be.*”

15. “*But Pelosi instead had to listen as President Trump mansplained to her the legislative process and her role in the debate, while Senate Minority Leader Charles E. Schumer talked over her to trade barbs **mano a mano** with Trump.*”

В первом примере можно заметить ироничную подачу информации автором статьи. Он сравнивает кандидатов на пост президента с двумя крутыми старшеклассниками, которые впустую ругаются один на один. Следовательно «mano-a-mano» используется с негативной экспрессивной коннотацией с целью высмеивания самой ситуации. Во втором примере мы тоже видим иронию со стороны автора при описании дискуссии президента США Д. Трампа и председателя Палаты представителей Ненси Пелоси. Во-первых, в статье употребляется

разговорный глагол «mansplain», смысл которого заключается в объяснение мужчиной чего-либо женщине, подразумевая ее интеллектуальную несостоятельность.

Далее рассмотрим цитирования высказываний Дональда Трампа. Он неоднократно выступал с речами в поддержку своей предвыборной кампании (2016 г.), в которых описывал мексиканских мигрантов как «насильников и варваров». Однажды на финальной президентской речи Д. Трамп употребил неассимилированное испанское заимствование «hombre» (пер.человек, мужчина) с негативной оценочной коннотацией. Таким образом, не упоминая мексиканцев, он сделал отсылку к ним: *“We're going to secure the border. Once the border is secured, at a later date, we'll make a determination as to the rest. But we have some **bad hombres** here, and we're going to get them out.”*

Позже в разговоре с президентом Мексики он также употребил словосочетание «**bad hombres**», усиливая собственное недовольство негативной коннотацией заимствования: *“You have a bunch of **bad hombres** down there. You aren't doing enough to stop them. I think your military is scared. Our military isn't, so I just might send them down to take care of it.”*

Позже 45-й президент США использовал неассимилированное испанское заимствование «loco» (в переводе: сумасшедший) с негативной оценочной коннотацией по отношению к представителям федеральной резервной системы, которые ужесточили монетарную политику: *“The problem [causing marketing drop] in my opinion is Treasury and the Fed. The Fed is going **loco** and there's no reason for them to do it...”*

Затем в предвыборной кампании им снова было использовано прилагательное “loco” с негативной оценочной коннотацией, но по отношению к представителям демократической партии: *“The Democrat agenda of the extreme far Left, they've gone crazy, folks. They've gone totally **loco**...”*

Сравнительно недавно были опубликованы статьи, также имеющие отношение к Д. Трампу, где используются испанские неассимилированные заимствования. В 2019 году основной тематикой политических обсуждений в США был «сговор» Руди Джулиани (адвокат Д. Трампа), Гордона Сондланда (посла США в ЕС), Рика Перри (министр энергетики США) и Курта Волкера (бывший представитель Гос. департамента США по вопросам Украины) по расследованию дела Джо Байдена в отношении газовой компании «Бурисма». В результате сотрудничества Джулиани с тремя политиками в СМИ стали появляться статьи подобного характера: *“Mr. Giuliani and the **three amigos** were reportedly part of the president's scheme to hold up \$391 million in congressionally approved military aid to Ukraine...”*; *“We have to stop here for just one minute to note that Volker, Sondland and Perry, who were supposed to be keeping an eye on Ukraine for the administration, were known as “**the three amigos**.”*

В данных отрывках можно заметить то, как активно в СМИ употребляются испанские заимствования для выражения негативной оценки действий политических лиц. Заимствование “amigos” в данном случае уже не передает исходную семантику (“friends”—друзья), слово приобретает негативный оттенок и наделяет все высказывание определенным смыслом. Несмотря на то, что имя Трампа фигурирует редко в статьях по данному вопросу, заимствование “amigos” в них употребляется с отсылкой к 45-му президенту. Как мы уже успели выяснить, Трамп часто использует неассимилированные испанские заимствования, когда речь идет о вещах, которые его не устраивают. СМИ заметили данную речевую тенденцию и теперь тоже используют испанские заимствования в ситуациях, касающихся бывшего президента. Однако если подойти к этимологии данного заимствования с другой стороны, можно обнаружить, что словосочетание «three amigos» могло бы быть отсылкой к американскому комедийному фильму «Три амигос» (1986 г.). В нем главные герои играют актеров, которые по незнанию попадают в реальный мир вестерна и пытаются выжить в бесконечных перестрелках.

В обоих случаях неассимилированное испанское заимствование “amigos” будет иметь негативную оценочную коннотацию. В первом случае, как «пародия» на президента, употребляющего испанские заимствования, а во втором случае как отсылка к героям, оказавшимся в глупой ситуации.

В рассмотренных в данной статье примерах можно проследить градацию коннотативных значений нейтральных неассимилированных испанских заимствований в американских СМИ. В статьях из разделов «развлечения» и «мнения» испанские неассимилированные заимствования призваны привлечь внимание читателя к определенным событиям и одновременно передать особенности испанского колорита. Чаще всего они заимствования употребляются в эмоциональной и экспрессивной коннотациях. Тогда как в новостных статьях на политическую тему, неассимилированные испанские заимствования используются с отрицательной оценочной коннотацией, чтобы выразить негативное отношение к определенным лицам. Конечно же, оценочную коннотацию можно заметить и в статьях раздела «мнения» и «развлечения», но в данных разделах она используется реже. Не исключено, что со временем проанализированные заимствования могут изменить основные коннотативные значения, перейдя в разряд заимствований с отрицательной оценочной коннотацией и наоборот. Благодаря американским СМИ, употребление испанских неассимилированных заимствований в определенной коннотации может оказать влияние на значение используемых заимствований среди населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 384 с.
3. Бабенкова Е. А. Функциональные параметры политической метафоры // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: Межвузовский сборник научных трудов. – Саранск, 2016. – С. 41–45.
4. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости: Гуманитарные науки, 2014. – № 13. – С. 181–187.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Флинта-Наука, 2008. – 203 с.
6. Елисеева В. В. Лексикология английского языка: учебник. – СПб: СПбГУ, 2003. – 44 с.

АЛЕКСАНДРОВА М. Е.

ТРУДНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОНТАМИНИРОВАННОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье исследуется понятие контаминации, описываются ее разновидности и способы перевода. Автор рассматривает различные аспекты проявления контаминации, а также причины ее возникновения в тексте или речи.

Ключевые слова: контаминированная речь, дефекты речи, перевод, искажение речи, художественный перевод, разговорный стиль.

ALEXANDROVA M. E.

DIFFICULTIES AND FEATURES OF TRANSLATION OF CONTAMINATED SPEECH

Abstract. The article describes the concept of contamination, considers its types and methods of translation. The author discusses various aspects of the manifestation of contamination, as well as the reasons for its occurrence in text or speech.

Keywords: contaminated speech, speech defects, translation, speech distortion, literary translation, conversational style.

Контаминированная речь – это универсальный языковой феномен, касающийся большей части языка. Под контаминацией в общем значении представляют согласование близких по значению или звучанию языковых единиц, ведущее к появлению новых единиц. Контаминированная речь – понятие сложное и охватывает большой набор языковых отклонений: просторечие, диалекты, сленг, детский язык, ломаная речь, дефекты речи, ошибки в произношении и правописании.

Проблема передачи контаминированной речи в переводе впервые была рассмотрена одним из основоположников отечественной теории перевода Я. И. Рецкером [2]. Однако и в наше время существует множество нерешенных задач и вопросов, касающихся этой темы.

Применяя контаминацию в речи действующих лиц, писатель создает их образ, делает стиль и манеру общения совершенно особенными и характерными только для данного произведения, показывает особенности воспитания и образования, психологическое состояние или состояние здоровья. Действительно, с помощью этого приема, читатель может сделать выводы об умственных способностях, национальности, профессиональной и социальной принадлежности персонажа. Использование контаминированной речи в литературе указывает не столько на языковые особенности речи, сколько на личностные характеристики персонажей. Еще одним распространенным случаем применения контаминированных единицы языка (контаминантов) является и создания юмористического

эффекта, например, при описании смешных или двусмысленных ситуаций. Таким образом, это помогает более точно и подробно представить образы, действия и атмосферу произведения.

Кроме того, контаминированная речь может рассматриваться как психологический элемент раскрытия персонажей. Это необходимо учитывать при переводе художественных текстов. Во время сильного эмоционального напряжения некоторые дефекты речи склонны проявляться сильнее, чем в состоянии покоя. Этим не следует пренебрегать, т.к. в художественном произведении такие речевые особенности играют определенную роль в построении эмоционально-психологического образа персонажей, и переводчик должен максимально детально воссоздать речевые портреты персонажей. Чем лучше ему удастся это сделать, тем большую художественную ценность будет представлять собой перевод и тем легче читатели смогут визуализировать персонажей и настроение текста.

Более того, контаминированная речь также может определять и психологический аспект образа персонажа. Данный вопрос наиболее актуален при переводе. Во время стрессовых ситуаций или психологического давления, когда человек испытывает сильное эмоциональное напряжение, многие дефекты речи могут проявляться сильнее, чем обычно. Например, заикание – одна из самых распространенных речевых проблем, становится заметнее и требует больших усилий для нейтрализации. И, хотя многие могут посчитать эту деталь незначительной, на самом деле она несет в себе огромное значение. В художественном произведении подобные речевые особенности играют важную роль в воссоздании эмоционально-психологического портрета персонажа. Работа переводчика заключается в максимально близкой и похожей передаче речевого образа и мышления героя произведения. Если работа выполнена качественно и успешно, то читатели смогут правильно визуализировать персонажей и понять настроение текста.

Учитывая все приведенные факторы, можно прийти к выводу, что самым подходящим способом передачи контаминированной речи на другой язык является компенсация [3]. Таким образом, компенсацией при переводе следует считать замену непередаваемого элемента исходного языка каким-либо другим средством, который передаёт ту же самую информацию, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике. С помощью компенсации переводчик способен правильно передать и выразить любые дефекты, особенности и неоднозначные единицы речи.

Для высококачественного перевода контаминированной речи переводчик может использовать совершенно разные инструменты языкового перевода на любом уровне, будь то фонетика, лексика или грамматика. Поэтому часто грамматические средства оригинала могут быть заменены лексическими и наоборот.

При отражении контаминации в переводе обязательным фактором является точная передача настроения оригинала. Необходимо сохранять баланс, при котором контаминационные явления полностью передаются, но при этом нет искажения языка, наигранности и искусственности перевода.

В лингвистической литературе контаминация зачастую рассматривается как разновидность нарушения литературной нормы [5]. Однако речевая деятельность допускает возможность появления контаминированных единиц. На разных уровнях языка эта возможность отражается совершенно по-разному. Речевой процесс зачастую сопровождается произвольным смешением слов. В результате этого появляются новые слова и выражения. Таким образом, некоторые из них настолько приживаются и сливаются с языком, что кажутся вполне естественными и привычными. Они входят в общество, становятся общими. Многие из них даже попадают в словари и переходят на уровень «настоящих» слов. Однако так происходит не со всеми. Многие из них так и остаются в разговорной речи, а в серьёзных текстах встречаются только для усиления художественного эффекта. Это и есть яркие примеры контаминации.

Также существует и специальная контаминация – литературный приём, который используют писатели и поэты для создания новых слов, более ярких или более подходящих для описания ситуации или персонажа. Например, у Ф. М. Достоевского есть «шлепохвостница» (вертихвостка), «белоручница» – в «Преступлении и наказании»; «тупонравственный» – в очерке «Зимние заметки о летних впечатлениях» [7]. Особенно много таких контаминантов встречается в стихах поэтов серебряного века. В. Маяковский – автор слов «сиюминутный», «голоштаный», «дрыгоножество» [6].

В переводе иностранной речи или речи с акцентом зачастую встречается множество сложностей, связанных с контаминацией. Появление контаминированных форм в тексте или высказывании может быть вызвано произвольным или намеренным искажением речи. В первом случае говорящий, плохо обладая навыками общения на иностранном языке, делает непреднамеренные ошибки, использует неверные окончания, спряжения, склонения и т. д. Это усложняет понимание речи и смысла, а также указывает на недостаточно знание правил используемого языка. Например: «Моя принесла пиво, твоя типель платить» (передача контаминированной речи китайца). Иностранец, не владея русским языком на высоком уровне, пытается донести информацию, совершая множество ошибок. При восприятии подобной речи слушающий соотносит воспринятое с правильными формами языка, додумывая, что имел в виду говорящий, и осуществляя таким образом «перевод» с контаминированной на правильную речь.

Непроизвольная контаминация характеризуется довольно общими признаками. Это может быть сильное волнение или слезы, в таком случае в речи могут появиться неоправданные повторы отдельных слов или частей слов, паузы или слишком частое и громкое дыхание, осложняющее процесс коммуникации.

В случае намеренной контаминации, изменённые формы слова используются как способ выражения особенностей речи говорящего. Также, такие изменения создают прагматический потенциал текста, а это является одной из важнейших функций переводчика [4]. И, таким образом, для качественной передачи контаминированной речи он должен либо воспроизвести такие же искажения в переводе, либо придумать свой собственный вариант, который будет нести в себе посыл автора или говорящего.

В данный момент времени, во многих языках уже существует множество примеров и способов передачи искаженной речи. Эти варианты различны для разных видов контаминированной речи, например воспроизведение английской или русской речи немца не похоже на передачу речи китайца. В основном, такие приемы условны и субъективны, однако, при этом они могут отражать и реально существующие различия между языками. Зачастую, для большинства иностранцев, говорящих по-русски, характерна ошибка в употреблении правильной формы глагола. Для немца проблемой считается выстраивание будущего времени, а конкретно замена синтетической формы будущего времени на аналитическую («Я буду уходить» вместо «Я уйду»), чего не скажешь о французах.

Нередко, вместе с контаминированными формами можно заметить использование элементов разговорного стиля и отказ от сложных грамматических форм (например, придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов и пр.). Набор и применение искаженных слов, звуков или грамматических элементов в переводе должны отвечать нормам прагматической характеристики оригинала.

Народный колорит, многообразие и оригинальность авторских стилей, настроение и личные особенности речи говорящего – все это составляет контаминированную речь. Осуществить качественный перевод контаминированной речи – очень сложная задача, для решения которой на первом этапе переводчик должен досконально изучить являются ли приведенные искажения непроизвольными или специальными. Далее переводчику необходимо выбрать способ передачи этого сложного явления, что является очень сложной задачей, поскольку неправильный перевод или неправильное выражение может привести к частичной или полной потере смысла и идеи текста или выражения.

Таким образом, контаминация позволяет создать новые слова, выражения, речевые обороты, которые будут подходить к той или иной речевой ситуации. Даже вследствие спонтанной, невольной контаминации могут появляться подобные конструкции, которые

органично вписываются в предложение и не воспринимаются в тексте грубо, абсурдно, небрежно и не к месту. Однако, текст не должен быть ими перегружен. И новые, необычные слова не должны препятствовать восприятию текста и вынуждать читателя останавливаться на странных и непонятных словах и выражениях, гадая, что этим хотел сказать автор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2004. – 368 с.
2. Рецкер Я. И. Передача контаминированной речи в переводе и роль традиции // Мосты. – 2015. – № 4. – С. 8-16.
3. Миронова Г. В., Зуева Е. А., Остапова Л. Е. Особенности использования приема компенсации в переводе аллитерации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 135–139.
4. Мухортов Д. С. Практика перевода: английский – русский: учеб. пособие по теории и практике перевода. – Изд. 6-е, испр. – М.: URSS; ЛЕНАНД, 2017. – 256 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учебник для студ. ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Альянс, 2018. – 253 с.
6. Маяковский В. В. Стихотворения и поэмы. – М.: Детская литература, 2020. – 182 с.
7. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – М.: АСТ, 2015. – 544 с.
8. Рябова, М. Э., Шикина, Т. С. Диалогический дискурс современного общества // Гуманитарий: актуальные проблемы науки о образования. – 2008. – № 7. – С. 44–50.
9. Шикина Т. С. Диалог и принятие решения как интеллектуальная операция // Философия здравого смысла. Критика оснований разума. Сер. «Здравый смысл в основаниях принятия решений в общественной практике». – М., 2015. – С. 40–55.

БРЫНИНА О. С., МАЛЬЦЕВА Е. Ю.
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Аннотация. Понятие «языковое пространство» в настоящее время активно используется в лингвистических и смежных исследованиях в значении устойчивого ареала распространения того или иного языка, как родного и официально закрепленного на определенной территории, так и языка межнационального общения. Также данное понятие включает в себя круг национально-специфических понятий, концептов, тем, которые определяют как данный язык, так и культуру, которой он принадлежит.

Ключевые слова: языковое пространство, академическое пространство, академический дискурс, академическая коммуникация, межкультурное пространство.

BRYNINA O. S., MALTCEVA E. YU.
LANGUAGE AREA CONCEPT: RETROSPECTIVE ANALYSIS

Abstract. The concept of language area is widely used in linguistic and related research fields to denote a stable spread area of a certain language with the status of a native official one as well as the means of international communication. The concept also includes a range of specific national concepts and themes that define both the specified language and the corresponding culture.

Key words: language area, academic area, academic discourse, academic communication, interlanguage area.

Исследование понятий языкового, межкультурного пространства, а также академической коммуникации в настоящее время представляется чрезвычайно актуальным, что определяет значительное число исследований по данным вопросам.

Существует ряд подходов к определению языкового пространства. В современных исследовательских работах каждый из этих подходов находит отражение.

С точки зрения пространственно-географической рассматривает языковое пространство Т. Гюльдеманн в своей работе, посвященной лингвистическим ареалам Африки. Исследователь анализирует африканские языки, которые находятся на одной или близких территориях, но при этом этимологически не связаны между собой. В работе исследователь анализирует взаимовлияние языков, которые распространены на определенных территориях Африки [1, с. 34].

Т. Гюльдеманн использует не только термин «sprachraum», но также и термин «sprachband», который, по его мнению, описывает более тесную связь между такими

языками [2, с. 34]. Говоря о языковом пространстве, исследователь отмечает следующее: «While genealogically homogeneous areas are relatively easy to recognize, it is the large contact areas for which criteria are more difficult to establish» [В то время как генеалогически однородные языковые пространства сравнительно легко определить, для больших разнородных территорий гораздо трудней найти определяющие критерии] [2, с.34]. Это замечание интересно для нашего исследования, так как мы касаемся не только языкового, но также и межъязыкового пространства, включающего языки, которые хотя и являются этимологически родственными, но достаточно далеко, чтобы эта связь ощущалась крайне слабо.

В настоящее время выходят исследования, которые затрагивают различные аспекты данного термина. В диссертационном исследовании Е. Ю. Поздняковой «Языковое пространство г. Барнаула» (2005) само упоминание названия города подчеркивает географический аспект термина. Е. Ю. Позднякова анализирует функционирование данного термина и в первой части исследования приходит к выводу, что под языковым пространством подразумевается «форма построения единой языковой картины мира в языковом сознании горожан, которая складывается из совокупности речевых произведений-текстов и образного поля, выступающих как часть действительности, ориентированной прежде всего на понимание, и одновременно как коммуникативная реализация отношения человека к миру» [3, с.25]. Так как Е. Ю. Позднякова исследует прежде всего языковое пространство отдельного города, то ее выводы и итоги работы сосредоточены в этой области.

Однако для нашего исследования важна методика, при помощи которой проводится исследование. В ходе исследования были выявлены компоненты, составляющие все языковое пространство города, а затем — лексическое наполнение данных компонентов. Важным выводом стало то, что ключевой особенностью языкового пространства города оказалось отражение в этом языковом пространстве топонимических и, в целом, географических особенностей.

Географический аспект затрагивается также в работах З. З. Зекох [4, с. 156], М. М. Бауэр [5, с.37]. В этих работах авторы не ставят перед собой задачу дать определение используемому термину, однако понимают его ближе к тому пониманию, которое было сформулировано Е.Ю. Поздняковой и которое мы процитировали выше. Основная цель данных работ — непосредственное выявление специфики конкретного языкового пространства.

Так, З. З. Зекох исследует билингвальное языковое и культурологическое пространство на материале художественных текстов, выявляя и классифицируя их «ментальные фраземы», под которыми подразумеваются «способы представления культурно-фоновой информации билингвальных адыгских художественных текстов» [4, с. 45]. Ментальные фраземы наделены национально-культурным компонентом семантики и участвуют в создании культурно-фонového потенциала художественного текста. Отметим, что З. З. Зекох анализирует языковое пространство, которое возникает при пересечении и наложении двух неродственных языков – адыгейского и русского, что отчасти приближает ее исследование к нашему, хотя наше исследование посвящено не художественным текстам, а научным. Кроме того, предметом исследования З. З. Зекох выступают тексты, созданные билингвальными носителями, что определяет во многом их специфику.

М. М. Бауэр в своей работе проводит социолингвистический анализ трансформационных процессов полиэтнического пространства на материале Тюменской области [5, с. 11]. Таким образом, данное исследование более сосредоточено на социолингвистических вопросах. По итогам работы, исследовательница выявляет единое региональное семантическое поле, сложившееся при взаимодействии языковых систем коренных жителей Тюменского региона с языками иммигрантов из стран дальнего и ближнего зарубежья, а также языками небольших и крупных диаспоральных групп.

Языковое пространство как некая совокупность языковых кодов изучается в работах М. С. Некрасовой [6, с. 27], О. А. Усковой [7, с.15], А. С. Волхонской [8, с. 12], Т. В. Чернышовой [9, с. 14]. В данных исследованиях термин «языковое пространство» используется в том значении, которое более близко теме нашего исследования. В данных работах, необходимо также отметить, в языковом пространстве языка или нескольких языков вычленяется определенный фрагмент, который и становится предметом исследования. Такого рода фрагментом может стать практически любая составляющая языкового пространства отдельного языка или даже межъязыкового пространства: язык СМИ, язык бизнеса, язык того или иного научного или технического направления, наконец, язык отдельного художественного произведения или автора в целом.

В работе О. А. Усковой использовался ряд подходов: при помощи логического подхода моделировалось пространство метаязыка бизнеса, его объекты и связи между объектами; использование когнитивного подхода позволило создать интегрированную картину языка, мышления и поведения людей «на основе отношений, существующих в триаде «когнитивные процессы – языковые структуры – языковое поведение» [7, с. 15];

наконец, синергетический подход дал возможность проанализировать состояния системы метаязыка бизнеса «как нового феномена языковой реальности, которая постоянно флуктуирует (испытывая воздействия извне – со стороны западного экономического сообщества и, соответственно, английского языка) и в результате этого имеет характеристики непредсказуемости и невыводимости из существующего, с одной стороны, и детерминированности возможных путей развития при наличии относительно устойчивых структур (аттракторов) – с другой» [7, с.12].

В названных работах языковое пространство как совокупность кодов конкретизируется: метаязык бизнеса, информационно-языковое пространство инженеров, тексты СМИ как элемент языкового пространства и т.д. В нашем исследовании мы также конкретизируем языковое пространство, рассматривая русско-американскую межъязыковую академическую коммуникацию как его элемент.

Термин «языковое пространство» функционирует также в качестве междисциплинарного. Так, в статье О. А. Майоровой «Языковое пространство в междисциплинарном аспекте» анализируется необходимость и сама по себе возможность расширения междисциплинарных связей при исследовании языкового пространства, а также автором приводится эмпирический материал, который свидетельствует о наличии парадигматической соотнесенности таких областей знания, как социолингвистика, психолингвистика, нейролингвистика и т. д. [10, с. 8]. В статье языковое пространство понимается как совокупность семиотической системы языка, а также субъектов речевого действия, общения и поведения.

Так, прежде всего, языковое пространство изучается в связи с культурой и культурологией, т.е. на границе лингвистики и культурологии. В этом отношении отметим, например, статью упомянутой выше Е. Ю. Поздняковой «Языковая картина мира и языковое пространство во взаимосвязи «язык – культура». По словам автора, и языковое пространство, и языковая картина мира погружены в семиотику культуры [3, с. 7]. Именно с этой точки зрения в статье рассматривается взаимосвязь языковой картины мира и языкового пространства. В ряде работ также языковое пространство в принципе исследуется в сопоставлении с культурным как один из его элементов.

Также языковое пространство может выступать объектом исследования когнитивистики, которая сама по себе является междисциплинарным образованием. В когнитивистском ракурсе оно исследуется, например, в работе Л. И. Горбуновой «Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры единиц атрибутивно-локативной языковой модели» [11, с. 12].

По итогам обзора отметим, что каждый исследователь выбирает те элементы языкового пространства, которые отвечают интересам его исследования. В случае изучения языкового пространства города, это будут, прежде всего, топонимы, в случае изучения языкового пространства СМИ, это язык СМИ как таковой со всеми его особенностями, противопоставленный языку повседневного общения, языку художественной литературы и т.д., в случае изучения языкового пространства отдельного произведения или отдельного автора, это языковая специфика данного произведения или данного автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Старостин Г. С. Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 340 с.
2. Guldemann T. Verbmorphologie und Nebenprädikation im Bantu: eine Studie zur funktional motivierten Genese eines konjugationalen Subsystems. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. – 686 s.
3. Позднякова Е. Ю. Языковое пространство г. Барнаула (на материале русской народно-разговорной речи граждан): дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2005. – 303 с.
4. Зекох З. З. Репрезентация художественного билингвизма в адыгском языковом пространстве: когнитивный и культурологический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2011. – 146 с.
5. Бауэр М. М. Трансформационные процессы полиэтнического языкового пространства Тюменской области: социолингвистический анализ: дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2007. – 201 с.
6. Некрасова М. С. Языковое пространство современной русской газеты: динамика нормы как отражение ментальных процессов: дисс. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2011. – 169 с.
7. Ускова О.А. Становление метаязыка бизнеса в русском языковом пространстве: дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2008. – 539 с.
8. Волхонская А. С. Организационно-педагогические условия проектирования информационного языкового пространства у будущих инженеров: дисс. ... канд. пед. наук. – Калуга, 2003. – 146 с.
9. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. – Изд. 2-е, перераб. – М.: URSS, 2007. – 291 с.
10. Майорова О.А. Языковое пространство в междисциплинарном аспекте // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14, № 1. – С. 132–135.

11. Горбунова Л.И. Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры единиц атрибутивно-локативной языковой модели: дисс. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2011. – 391 с.
12. Бурмакина Н. Г. Дискурсивно-интегративные и культурно-конвенциональные характеристики академической коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2014. – 217 с.
13. Заглядкина Т. Я. Академическая концептосфера в немецкой и русской лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 187 с.
14. Стернин И. А. Коммуникативное поведение. Монография. – Воронеж: Истоки, 2009. – 194 с.

АЛДАШКИНА И. Ю.

**РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
В РАМКАХ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ**

Аннотация. В статье представлены трактовки терминов «межъязыковая интерференция» и «языковая аттриция». Рассмотрены основные причины возникновения данных явлений и их влияние на процесс обучения. Основываясь на работах отечественных исследователей, был рассмотрен ряд методик изучения иностранного языка, позволяющих в значительной степени уменьшить риск возникновения межъязыковой интерференции. Получены выводы об их релевантности в контексте изучения нескольких иностранных языков.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, языковая аттриция, иностранный язык, методика обучения иностранному языку, подход к обучению иностранному языку.

ALDASHKINA I. YU.

**IMPLEMENTATION OF INTERLANGUAGE INTERFERENCE
THROUGH LINGUODIDACTIC MECHANISMS**

Abstract. This article considers the interpretations of the terms “interlanguage interference” and “language attrition”. The main causes of these phenomena and their impact on the learning process are discussed. A number of second language learning methods that can significantly reduce the risk of interference are described. Conclusions about their relevance in the context of learning several second languages are made.

Key words: interlanguage interference, language attrition, second language, second language teaching methodology, approach to second language teaching.

В настоящее время все большее количество людей стремится к владению несколькими иностранными языками. Данная тенденция вызывает необходимость в компетентных кадрах со знанием иностранных языков. Специалистам данной сферы необходимы не только знания в области иностранных языков, но также умение использовать их для реализации профессионального взаимодействия [13, с. 2]. Однако изучение иностранных языков представляет собой сложный когнитивный процесс, затрагивающий основные механизмы работы долговременной памяти.

При изучении иностранного языка будущие специалисты сталкиваются с рядом трудностей, основанных на работе двух основных механизмов долговременной памяти: механизм запоминания и забывания. При изучении нового материала, старый материал имеет тенденцию к забыванию или искажению в сознании человека. Данный феномен носит название языковой аттриции. Согласно работе российского лингвиста Е. В. Басс, языковая

аттриция в лингвистике выражается в утрате, потере или изменении одного языка под влиянием другого [6, с. 20]. Российский исследователь Е. Ю. Груздева отмечает в своем труде, что языковая аттриция выражается в частичной утрате контроля над родным языком, вызванная контактом с другим языком [11, с. 18]. А. В. Тимофеев, лингвист и доктор педагогических наук, отмечает, что языковая аттриция также может быть выражена в процессе “утраты системы родного либо второго (ранее изученного или изучаемого) языка, происходящий в результате контакта с другим языком” [17, с. 1]. Таким образом, процесс утраты языковых знаний значительно зависит от влияния другого языка, вызванного контактом, а такие лингвистические процессы как языковая аттриция и межъязыковая лингвистическая интерференция взаимосвязаны.

Явление межъязыковой интерференции обширно изучается как лингвистами нашей страны, так и зарубежными учеными. Согласно труду американского лингвиста У. Вайнрайха, интерференция выражается в отклонении “от норм любого из языков, которые происходят в речи билингвов в результате того, что они знают больше языков, чем один” [9, с. 44]. В словаре отечественного лингвиста Л. П. Крысиной межъязыковая интерференция объясняется таким взаимодействием “языков при их контакте, которое приводит к проникновению элементов и свойств одного языка в систему другого языка” [14, с. 311]. Из более поздних исследований можно выделить работу филологов Ж. Багана, и Ю.С. Блажевич, в которой ученые приходят к выводу о том, что «в большинстве существующих определений под интерференцией понимают и процесс, и результат взаимодействия языковых систем в речи билингва, одна из которых является доминирующей, воздействующей на вторичную, приобретенную языковую систему. Результат такого взаимодействия контактирующих систем может выражаться в виде отклонений, нарушений: во всех изменениях структурных элементов языка в речи – в значениях, свойствах, сочетаемости и «поведении» языковых единиц. ... Механизм интерференции состоит в подмене схем и моделей изучаемого языка соответствующими элементами родного языка, либо видоизменением первых по образцу вторых. Интерференция может вызываться как системой родного языка, влияя на систему изучаемого языка, так и нормой родного языка, приводя к образованию ненормативных форм во фразах на втором языке» [5].

Как было отмечено нами в предыдущих исследованиях, процесс межъязыковой интерференции способен в значительной степени отягощать освоение иностранных языков, поскольку возникновение данного феномена возможно как при контакте с родным языком, так и с новым изучаемым языком [3, с. 4]. Более того, данное явление способно возникнуть на всех этапах обучения, и ему в равной степени подвержены все аспекты языка [1; 2; 3; 8].

Вследствие того, что межъязыковая интерференция является одной из основных причин возникновения языковой аттриции, приводящей к утрате языковой компетенции, учеными и лингвистами проводится активная работа по поиску методов и способов предотвращения данного феномена. Данным вопросом занимаются такие отечественные исследователи как А.В. Щепилова [18], М. Н. Игнатова [13], Е. В. Басс [6], Р. Г. Гасанова [10] и многие другие. Таким образом, к настоящему моменту предложен ряд подходов к обучению иностранному языку, способных в значительной мере нивелировать явление межъязыковой интерференции в процессе обучения нескольким иностранным языкам.

Термин “подход к обучению” впервые был введен английским методистом А. Энтони в 1963 году. Согласно его толкованию, подход к обучению “выступает в качестве самой общей методологической основы обучения, характеризуя существующие точки зрения на предмет обучения и возможности овладения им в процессе обучения” [19, с. 95]. Согласно мнению отечественного методиста В. Л. Скалкина, подход к обучению служит определением для деятельности исследователя, позволяющей освоить то или иное явление [19, с. 95], а ученый И.Л. Бим утверждает, что подход к обучению реализуется как “самая общая методологическая основа исследования в конкретной области знаний” [19, с. 95]. Таким образом, правильно выбранный подход к обучению способен в должной степени облегчить процесс изучения того или иного предмета, а также способствует его эффективному усвоению. В нашей статье мы осветили лингвистические механизмы по обучению иностранному языку, выраженные в рамках коммуникативного, рационального и функционального подходов.

В рамках лингводидактики учеными представлен определенный ряд подходов к изучению иностранного языка. Одним из таких подходов является коммуникативный подход. Коммуникативный подход выражается в развитии коммуникативной компетенции учащихся. Данное развитие основывается на учете закономерностей реального общения [15]. Согласно мнению отечественного исследователя Н. А. Бороздиной, данный подход является наиболее оптимальным для освоения особо страдающих грамматических категорий изучаемого языка [7, с. 2]. Так, в своей работе “Основные теоретические положения, обеспечивающие эффективность методики преодоления интерференции в процессе обучения английским и немецким предлогам русскоговорящих обучающихся” Н. А. Бороздина прослеживает основные принципы, основанные на коммуникативном подходе и позволяющие в значительной мере нивелировать феномен межъязыковой интерференции при обучении предлогам иностранного языка. Согласно мнению лингвиста, традиционных методик обучения иностранному языку недостаточно, чтобы в должной мере нейтрализовать проблемы, возникающие при употреблении предлогов иностранного языка. Например, тактика перехода от усвоения грамматических правил к лексике, а лишь затем к упражнениям

приводят к механическому заучиванию материала, исключая способность учащихся сознательно выбирать правильный вариант употребления, тем самым, не раскрывая и не объясняя основные различия языковых картин представителей родного и изучаемого иностранного языка [7, с. 2].

Таким образом, для грамотной реализации данного подхода в рамках изучения иностранного языка с учетом нивелирования феномена межъязыковой интерференции, лингвистом предлагается построение уроков по иностранному языку с учетом главенствующей роли следующих принципов: принцип опоры на родной язык, принцип сознательности, принцип наглядности, принцип комплексности овладения видами речевой деятельности [7, с. 3]. Следовательно, методика, построенная на коммуникативном подходе, способна минимизировать риск возникновения межъязыковой интерференции в процессе изучения иностранного языка. Согласно исследованиям, данный подход является подходящим для уменьшения количества ошибок в речи, поскольку позволяет учащимся осознанно подходить к процессу освоения иностранного языка.

Следующим подходом к изучению иностранных языков, рассмотренных нами в данной статье, является рациональный подход. Согласно мнениям отечественных лингвистов С. В. Еловской и И. И. Борзых, данный подход может быть реализован “посредством разработки рациональной методики, позволяющей приблизить уровень владения иноязычной профессионально-коммуникативной компетенцией к современным требованиям” [12, с. 2]. Иными словами, рациональный подход к формированию коммуникативной компетенции представлен “взаимосвязанными общенаучными принципами когнитивности, рациональности и продуктивности, дидактическими принципами научности, систематичности и последовательности, междисциплинарности” [12, с. 2]. Таким образом, данный подход позволяет наиболее оптимальный и рациональный стиль учебной деятельности, позволяющий таким образом добиться больших академических результатов с минимальными временными затратами.

С точки зрения методики преодоления интерференции, данный подход является оптимальным, поскольку базируется на основном методе контрастивной лингвистики. Данный метод носит название сравнительно-сопоставительного метода [13, с. 4]. Данный метод позволяет в должной степени выявить и проанализировать основные различия между грамматическими, фонетическими и лексическими нормами языков, а значит уменьшить риск возникновения ошибок, вызванных интерферентным вмешательством.

Третья методика по предотвращению возникновения межъязыковой лингвистической интерференции является методика, основанная на функциональном подходе к обучению иностранным языкам. Функциональный подход к обучению выражается в тесной связи с

“направлением изучения языка от формы к функции” [4, с. 3]. Поскольку грамматика любого языка имеет функциональный аспект, применение данного подхода во многом подходит для качественного изучения данного аспекта языка. Согласно мнению отечественного лингвиста В. В. Райтаровского, “функциональное обучение грамматике может быть рассмотрено как взаимосвязь подробного рассмотрения грамматических явлений, их сравнения с грамматическими явлениями других языков к методике обучения в целом [16]. Так, например, отечественный исследователь Е. А. Александровская в своем труде приводит пример использования фраз “он мой”, “она моя” для определения рода существительных в русском языке является лишь формой, тогда как основная функциональная нагрузка заключается в окончаниях имен существительных. Именно окончания маркируют род имен существительных как в русском языке, так, например, и в испанском. Таким образом, применение функционального подхода позволяет учащимся систематизировать знания, тем самым преодолевая интерференцию. Так, учащийся со временем понимает, что слово “книга” в русском языке женского рода не потому, что “она моя”, а потому, что имеет окончание “а”, маркирующее женский род. То же самое слово в испанском языке носит окончание “о” (el libro), указывая тем самым, что в испанском языке данное слово является мужского рода [4, с. 4].

Суммируя вышесказанное, стоит отметить, что вопрос качественного освоения и преподавания иностранных языков является одной из первостепенных задач современных лингвистов и методистов. Изучение иностранных языков представляет собой неоспоримую важность 21 века, однако избыточность лингвистического материала, возникающая в связи с контактом нескольких языков, способствует возникновению таких лингвистических явлений, как языковая аттриция и межъязыковая интерференция, способных в значительной мере отяготить процесс изучения языков в связи с утратой и искажением изученного ранее и приобретенного языкового материала. В настоящее время разрабатываются методики, основанные на ряде подходов к обучению, таких как коммуникативный, рациональный и функциональный, позволяющие в должной степени освоить один и несколько иностранных языков с наименьшим риском возникновения межъязыковой лингвистической интерференции, поскольку основными принципами данных подходов выступают принципы учета родного языка и его сравнительно-сопоставительного анализа. Данный анализ позволяет проследить аспекты языка, особенно подверженные возникновению феномена межъязыковой интерференции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алдашкина И. Ю. К вопросу о грамматической интерференции с точки зрения испано-английского и русско-английского двуязычия [Электронный ресурс] // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. 2021. – №13. – С. 36–41. – Режим доступа: https://www.fld.mrsu.ru/wp-content/uploads/2021/01/LiEPK_Vypusk-13.pdf (дата обращения 20.11.2021).
2. Алдашкина И. Ю. К вопросу о межъязыковой интерференции в контексте сопоставительной лингвистики // Юность и знания – гарантия успеха – 2020. – №1. – С. 260–263.
3. Алдашкина И. Ю. Особенности интерференции при изучении английского и испанского языков // XLIX Огарёвские чтения. – 2021. – №3. – С. 214–219.
4. Александровская Е. А. Функциональный подход как способ преодоления интерференции в процессе изучения испанского языка как второго иностранного на средней ступени обучения в школе // Фундаментальные и прикладные исследования. – 2015. – № 19. – С. 38–42.
5. Багана Ж., Блажевич Ю. С. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 2. – С. 10–15.
6. Басс Е. В. Интонационная интерференция и языковая коррозия при раннем билингвизме // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6. – С. 20–24.
7. Бороздина Н. А. Основные теоретические положения, обеспечивающие эффективность методики преодоления интерференции в процессе обучения английским и немецким предлогам русскоговорящих обучающихся [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2018. – №2. – Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=51> (дата обращения 15.12.2021).
8. Булычева О. А., Сафонкина О. С. Интернет-англицизмы: развитие англо-русских языковых контактов на современном этапе [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2016. – №17. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/internet-anglicizmy-razvitie-anglo-russkix-yazykovyx-kontaktov-na-sovremennom-etape> (дата обращения 15.12.2021).
9. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. – Киев, 1979. – 260 с.
10. Гасанова Р. Г. Принципы методики преодоления интерференции в условиях многоязычия // Среднее профессиональное образование. – 2021. – № 1. – С. 25–27.

11. Груздева Е. Ю. Языковая аттриция в системе языковых изменений // Языковые изменения в условиях языкового сдвига: сб. ст. / отв. ред. Н.Б. Бахтин. – СПб., 2007. – С. 16–58.
12. Еловская С. В., Борzych И. И. Рациональный подход к формированию иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2016. – №1. – С. 14–21.
13. Игнатова М. Н. Методика преодоления грамматической интерференции на основе применения рационального подхода в условиях соизучения нескольких языков // Преподаватель XXI век. – 2015. – №2. – С. 38–50.
14. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2006. – 944 с.
15. Пассов Е. И. Образование как феномен и методика как наука: проблемы конвергенции. – Липецк: ООО «Издатель», 2016. – 160 с.
16. Райтаровский В. В. Интрамодальная и интермодальная синонимия денотативных и коннотативных значений временных глагола в современном испанском языке: монография. – М.; Леон (Испания): Международный Университет в Москве, 2010. – 220 с.
17. Тимофеев А.В. Языковая аттриция при изучении иностранного языка // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – №11. – С. 21–28.
18. Щепилова А. В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому как второму иностранному языку. Теоретические основы. – М., 2003. – 262 с.
19. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: учебное пособие. – М.: Филоматис, 2004. – 416 с.

ГРИНИНА М. И.
ФУНКЦИИ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматриваются семантические функции модальных глаголов, обладающих высокой частотностью употребления в англоязычных текстах автобиографического жанра. Исследование проведено на материале автобиографий Агаты Кристи «An Autobiography» и Стивена Фрая «Moab is My Washpot». В результате выявлены типовые контексты употребления модальных глаголов в англоязычном автобиографическом тексте.

Ключевые слова: автобиографический текст, модальность, модальные глаголы, функции, семантика.

GRININA M. I.
FUNCTIONS OF MODAL VERBS IN ENGLISH AUTOBIOGRAPHIC TEXT

Abstract. This article considers the semantic functions modal verbs frequently used in English autobiographic texts. The study is based on the autobiographies “Moab Is My Washpot” by Stephen Fry and “An Autobiography” by Agatha Christie. As a result, the author identifies and describes typical contexts of the use of modal verbs in English autobiographic texts.

Keywords: autobiographic text, modality, modal verbs, functions, semantics.

В современном английском языке одной из наиболее обсуждаемых учеными проблем является развитие категории модальности. Это объясняется тем, что с течением времени модальность стала одной из центральных языковых категорий, которым присущ универсальный характер. Первое определение данной категории было представлено в лингвистическом словаре А. О. Ахмановой, где модальность (от лат. *modus* – мера, способ) рассматривается как особая семантическая категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания [1, с. 45].

Модальность как текстовая категория впервые была выделена И. Р. Гальпериным и наделена рядом следующих признаков: субъективностью, функционально-семантическим характером и неравномерностью проявления. В лингвистике особое внимание уделяется диахроническому и синхроническому анализу средств выражения модальности, к которым, в первую очередь, относятся модальные слова и глаголы, выражающие модальные значения возможности и необходимости. Помимо этого, не менее существенным считается анализ прагматики и модальности на различных уровнях языка, в частности на уровне текста и присущей ему лексики [3, с. 22]. Таким образом, на современном этапе лингвисты выделяют

лексические, грамматические, являющиеся наиболее универсальными и распространенными, а также синтаксические средства выражения модальности.

Среди всех вышеперечисленных способов выражения модальности грамматические средства выделяются как преимущественные и многочисленные. В английском языке данная группа имеет в своем составе модальные глаголы (have to, may, can, should, ought to) и их аналоги прошедшего времени (might, could), затем идут многофункциональные глаголы, способные выполнять функции, присущие модальным глаголам (shall, will, would, need).

У каждого модального глагола есть свое значение, но при этом они не могут выражать действие, только модальное отношение. Данная разновидность глаголов может передавать значение способности, вероятности, обязательства, долженствования, предположения или возможности. Фактически каждый модальный глагол имеет несколько типовых значений, которые напрямую зависят от контекста.

Типовыми значениями английских глаголов «may» и «might» принято считать разрешение и возможность; модальные глаголы «can» и «could» выражают физическую или умственную способность совершать какое-либо действие; «must» и «have to» – долженствование, обязанность; «shall» и «should» используются для передачи предложения или совета; модальный глагол «need to» выражает необходимость, а «ought to» – моральный долг или обязательство; типовая функция многофункциональных глаголов «will» и «would» передавать значение вежливой просьбы. Также, практически все вышеперечисленные модальные глаголы, за исключением многофункциональных глаголов «need to» и «ought to», могут быть употреблены в контексте вероятности, степень которой находится в прямой зависимости от используемого глагола. Таким образом, можно обобщить все вышесказанное тем, что модальные глаголы как отдельное средство выражения модальности явление довольно сложное и распространенное. Здесь играет роль не только проблема их функциональности, но и многозначность их семантики.

В современной науке нет общего и полного понимания автобиографии, по причине того, что чаще всего автобиографию рассматривают в рамках литературного прозаического жанра. В литературоведении термин автобиография обозначает хронологически построенное описание автором событий собственной жизни. На сегодняшний день одной из важнейших проблем мировой лингвистики считаются теоретические и практические аспекты изучения и определения речевого жанра автобиографического текста. Автор нескольких лингвистических работ, посвященных общетеоретическим вопросам, стилистике и теории речевых жанров – М. М. Бахтин считает, что жанр включает в себя три взаимосвязанных компонента: стиль, тематическое содержание и композиционное построение [2, с. 159]. В современных исследованиях ученые выявили признаки, характерные для автобиографического текста: это

в первую очередь хронологическое повествование, тождество автора и героя, соотношение прошлого и настоящего времен, ярко выраженное личностное начало, память как важнейшая категория автобиографического рассказа, далее особая пространственно-временная организация, взаимодействие субъективности и объективности, ретроспективность и открытость. Над выявлением данных характеристик трудились такие ученые как Н. А. Николина, Е. В. Погодина, В. В. Нуркова, Ю. Б. Шлыкова, А. В. Антюхов, Е. И. Голубева.

Структура автобиографических текстов также имеет определенные организационные особенности. Благодаря этому, можно наблюдать устойчивую модель распределения информации в ходе повествования: информация о годе и месте рождения идет, как правило, в самом начале рассказа, затем повествуется о семье автора, ее образе жизни и месте жительства, далее сообщается о событиях в личной жизни, работе и сферах деятельности, в конце информация о собственных детях и их судьбе. Заглавный лист, вступление, фотографии (встречаются не часто) и непосредственно текст – это основные составляющие автобиографии.

Текст автобиографии представляет собой художественный автобиографический текст, разделенный на главы, которые могут быть структурированы различными способами. Главы автобиографии могут иметь название или нумерацию.

Для автобиографических рассказов характерно фигурирование дат, антропонимов – совокупности имен собственных, идентифицирующих человека в обществе и топонимов – имен собственных, идентифицирующих географические объекты.

Лексические особенности автобиографического текста также представляют собой наличие тропов, множества фигур речи, использование художественных средств и приемов. Основу текста составляют два пласта лексики: общие литературно-книжные лексические единицы и стилистически окрашенные слова.

Материалом для нашего исследования послужили автобиографии Агаты Кристи «An Autobiography» и Стивена Фрая «Moab is My Washpot». Выбор данных автобиографий обусловлен тем, что для данного типа исследования требуется достаточно обширный контекст, которым обладают выбранные автобиографии. Проведенный нами анализ частотности употребления модальных глаголов в англоязычных автобиографических текстах показал следующие результаты, представленные в Таблице.

**Частотность употребления модальных глаголов
в англоязычном автобиографическом тексте**

Модальный глагол	Частотность употребления	
	Agatha Christie «An autobiography»	Stephen Fry «Moab is My Washpot»
May	136 случаев	62 случая
Might	220 случаев	158 случаев
Can	339 случаев	189 случаев
Could	610 случаев	297 случаев
Must	249 случаев	81 случай
Have to	119 случаев	43 случая
Shall	78 случаев	26 случаев
Should	303 случая	60 случаев
Ought to	74 случая	7 случаев
Will	51 случай	36 случаев
Would	21 случай	14 случаев

Количественный подсчет показав, что наиболее частотными модальными глаголами в англоязычном автобиографическом тексте являются глаголы «can», «may» и «should». Рассмотрим контексты их употребления.

Как известно, первое значение модального глагола «may» – это выражение вероятности и неуверенности. В данном значении наиболее часто его использует Стивен Фрай, буквально, каждое предложение, содержащее данный глагол, насыщено неуверенностью: *Young Mr Thring – or it may have been old Mr Gabbitas – recommended Stouts Hill Preparatory School, Uley, Near Dursley, Glos* [5]. В свою очередь, Агата Кристи редко употребляет данный модальный глагол в контексте вероятности или неуверенности, но такие случаи все же имеют место быть в тексте ее автобиографии: *They may have gone for a walk, or retired to the drawing-room, but the drawing-room was seldom used* [4].

Значение возможности, обусловленной обстоятельствами, у модального глагола may может быть отмечено в таких контекстах: *Parents are more reluctant to pack their children off early and may choose to have them attend as day pupils or weekly boarders* [5]; *However-a timely thought-they may enjoy melancholy; some people do. They may enjoy the emotional crises that seem always to be overwhelming them. They may even enjoy anxiety* [4].

Еще один случай употребления модального глагола «may», который считается самым распространенным не только в разговорном, но и в художественном стиле – это разрешение

или просьба. Исходя из анализа автобиографических текстов, мы выявили, что, по сравнению с двумя вышеназванными значениями, значение разрешения распространено крайне редко, но такие случаи все-таки встречаются. К примеру, в автобиографии Агаты Кристи не было отмечено случаев употребления *may* в таких контекстах предложения. В свою очередь, Стивен Фрай использует данный контекст, но не слишком часто: *Certainly, certainly! Um, may I ask you, young man, I know this is not good prison form and you really don't have to answer, but may I ask you none the less... what, ah, are you in for?* [5].

Самый распространенный контекст, в котором употребляется модальный глагол «*can*» – это умственная или физическая способность совершить какое-либо действие. Именно в таком контексте модальный глагол *can* насчитывает самое большое число примеров, как в автобиографическом тексте Стивена Фрая, так и в тексте Агаты Кристи: *But between what is there in my head and what I can express with my voice or my fingers ... there falls a mighty and substantial shadow* [5]; *You cannot play tennis with a forehand drive alone* [4].

Как показал анализ автобиографического текста Агаты Кристи, вторым по частотности использования модального глагола «*can*» является контекст вероятности, синонимичный с глаголом «*may*», но в данном случае, «*can*» будет выражать большую вероятность, нежели «*may*»: *When I read that well-known cliché «so and so was struck dumb» I realize that it can be a simple statement of fact* [5]. При этом было отмечено, что Стивен Фрай совсем не использует данный модальный глагол в контексте вероятности, однако в его автобиографическом тексте насчитывается большое количество примеров употребления глагола *can* в контекстах предложения или просьбы: *Last term, I had put my hand up in an art lesson and said, “Mummy, can I have another piece of charcoal?”* [5]. Агата Кристи, в свою очередь, использует *can* в значении предложения или просьбы неоднократно: *Can I come in, dear? It's your elder sister; Oh, you'd better not go home, Aggie. You come home with us and have lunch. We can ring up Ashfield* [4].

Модальный глагол «*can*» многозначен, поэтому он также может выражать сомнение, недоверие, удивление или сарказм. Данные значения нередко употребляются в автобиографических текстах, как показал анализ. Чаще всего один из контекстов доминирует над другими. Например, в тексте Стивена Фрая было отмечен оттенок сарказма у глагола «*can*»: *You can't live your life in the shadow of other people's opinions, can you?* [5].

По своей природе модальный глагол «*should*» многозначен. Первое значение, отмеченное нами как самое часто используемое в автобиографических текстах, это совет. Оба автора многократно используют модальный глагол «*should*» в таком контексте: *I think you should go away from home for your holiday, and write with nothing to disturb you* [4]; *You shouldn't be inside yourself* [5].

Второе по частотности употребления значение глагола «should», как было отмечено в процессе анализа текстов, синонимично глаголу «must» и означает долженствование и обязанность. Стоит отметить, что Стивен Фрай использует данный подтекст глагола реже предыдущего, а вот Агата Кристи, напротив, использует его практически повсеместно: *I should not leave her until this evening, and then see if she feels better* [4]; *You should see the photographs I had to discard* [5].

Число примеров следующего значения модального глагола «should» варьируется в зависимости от автора. Контексты возможности и ожидания встречаются с той же частотностью, что и долженствование в автобиографическом тексте Агаты Кристи. Нельзя с уверенностью сказать какое из значений встречается чаще: *I should, I suppose, have progressed, and I think I should have been entirely caught up in mathematics-a subject which has always fascinated me* [4]. При исследовании автобиографии Стивена Фрая, было отмечено, что вышеупомянутое значение занимает последнее место по частотности использования в тексте. Иногда автор использует дополнительные модальные слова для усиления значения вероятности: *Maybe that should have been the title for this book* [5].

В ходе проведенного анализа были получены следующие результаты. Среди глаголов, служащих средством выражения модальности в англоязычном автобиографическом тексте наибольшее число контекстов насчитывают, в первую очередь модальные глаголы «can» и «could». Оба глагола чаще всего употребляются в значении физической или умственной возможности, у модального глагола «could» также присутствует значение вероятности, в котором он применяется многократно.

Следующими по частотности употребления являются модальные глаголы «may» и «might». Данные глаголы используются в таких контекстах, как вероятность, возможность, если это глагол «may», и упущенная возможность – для «might», и еще одно значение – это вежливая просьба. В число наиболее частотных модальных глаголов входит «should», употребляемый в нескольких значениях таких, как совет, долженствование и ожидание.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что в англоязычном автобиографическом тексте существуют индивидуальные различия в выражении модальности. Несмотря на тот факт, что состав средств ее выражения сильно схож, контексты употребления модальных глаголов также, как и частотность их использования напрямую зависят от автора текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 607 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940-х - начала 1960-х годов. – 731 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981, – 140 с.
4. Christie A. An autobiography [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/read/Christie_Agatha/agahta_christie_an_autobiography.html#0 (дата обращения: 01.02.2020).
5. Fry S. Moab is My Washpot [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/read/FRY_STEPHEN/MOAB_IS_MY_WASHPOT.html#0 (дата обращения: 01.02.2020).

ВЕДЯШКИНА А. В., ШИКИНА Т. С.

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА КИНОПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье характеризуется современная практика киноперевода в России и за рубежом. Рассматривается история становления и развития данного направления переводческой деятельности, его основные разновидности и их особенности. Представлено описание условий и этапов процесса аудиовизуального перевода.

Ключевые слова: киноперевод, аудиовизуальный перевод, кинофильм, переводчик, субтитры, дубляж, закадровый перевод, монтажные листы, зритель.

VEDYASHKINA A. V., SHIKINA T. S.

CONTEMPORARY PRACTICE OF FILM TRANSLATION

Abstract. The article is dedicated to the present-day practice of film translation in Russia and abroad. It examines the history of the formation and development of this field of translation, its main types and features. The article attempts to describe conditions and stages of the process of audiovisual translation and analyzes some professional requirements that account for successful film translation.

Keywords: film translation/screen translation, audiovisual translation, movie, translator/interpreter, subtitles/captioning, dubbing, voice-over, editorial script/sheet cue, viewer.

Усложнение общества в связи с интенсификацией коммуникативных процессов, происходящих в нем, стимулируют науку более основательно исследовать многомерный феномен – коммуникацию с целью выявления меры воздействия ее различных форм на личность и общество в целом [7]. Возникновение сравнительно новых форм работы переводчика в условиях межкультурного взаимодействия меняет отношение к его роли и требования к его компетентности. Новое направление искусства перевода – это перевод фильмов, как разновидность массового мультимедийного перевода.

В современном понимании киноперевод – это особенный вид деятельности переводчика, применяющийся в киноиндустрии при переводе различных жанров фильмов, сериалов и видео и т.п. Согласно самой распространенной классификации, существует 4 основных направления кино: художественное, документальное, научное и мультипликационное. Эти виды, в свою очередь, делятся на множество других подвидов. Как и другие виды перевода, процесс киноперевода характеризуется своими отличительными чертами. Самая главная особенность состоит в том, что текст перевода должен звучать определенное количество времени, которое напрямую зависит от текста оригинала. Однако, для каждого языка характерен свой грамматический строй и скорость

речевого потока – темп речи. Вследствие этого, переводчику приходится более кратко излагать, урезать или наоборот увеличивать и обогащать текст.

Следующая отличительная черта – это предельная содержательность и ясность кинотекста, так как зрителю необходимо сразу его понимать. Такое свойство, как комбинированность киноперевода выражается в том, что переводчик, соединяя различные возможные варианты перевода в зависимости от видеоматериала, учитывает взаимосвязь изображения и текста и берет во внимание в равной степени вербальные и невербальные приемы выражения. Л. Л. Нелюбин, признанный переводчик и профессор, в своем «Толковом переводоведческом словаре» объясняет специфическую гибридность киноперевода так: «Перевод кино/видео материалов сочетает черты синхронного, последовательного и письменного перевода в зависимости от цели и характера работы (перевод на аудиторию, для дубляжа, озвучивание и пр.)» [5, с. 141].

Многие ученые отмечают, что еще одна немаловажная отличительная особенность заключается в том, что аудиовизуальный перевод невозможно отнести только к одному виду перевода. Он не относится к чисто устному или письменному переводу, поскольку в одних случаях переводчик опирается на письменные источники (текст и монтажные листы) и предоставляет законченный перевод в письменном виде для дальнейшего озвучивания фильма, а в других случаях, происходит перевод на слух без какого-либо текста, что можно сравнить с синхронным переводом. Таким образом, киноперевод включает в себя признаки всех разновидностей перевода.

Когда же и при каких обстоятельствах возник исследуемый вид перевода? История возникновения и развития киноперевода берет свое начало после изобретения кинематографа. Выделяют следующие 4 этапа:

1. Перевод немого кино или межсемиотический период (1895-1903).

Сеанс показа кино впервые прошел 28 декабря 1895 года благодаря его французским изобретателям, братьям Люмьер. В то время, эти быстро набравшие мировую популярность фильмы представляли собой последовательность коротких видеоэпизодов из реальной жизни. Немые действия в картине сопровождались комментариями конферансье и артистов, владеющих иностранными языками. Благодаря добавлению вербальных средств коммуникации к визуальному изображению, эмоциональное воздействие на зрителей в значительной мере усиливалось.

2. Перевод титров (1903-1927).

Впервые титры в фильме появились в кинокартине Эдвина С. Портера «Хижина дяди Тома» («Uncle Tom's Cabin») в 1903 году в США. Там были использованы интертитры – это вставка текста между кадрами для более ясного понимания сюжета и воспроизведения реплик

персонажей. Интертитры были двух видов: диалоговые (белый текст на черном фоне) и пояснительные (черный текст на белом фоне).

3. Субтитры и дубляж (1927-1976).

В этот период конкуренция между кинокомпаниями и радиостанциями стремительно начала нарастать и 6 октября 1927 года американский режиссёр Алан Кронсленд выпустил черно-белую немую музыкальную драму «Певец джаза» («The Jazz Singer») с записанной музыкальной партитурой, пением и озвученными репликами, что положило конец эпохе немого кино. Звуковые фильмы пользовались колоссальным успехом у публики, тем не менее языковой барьер был помехой их мировому распространению. Чтобы его преодолеть использовали следующие способы:

1) Съемка кинофильма на разных языках и с разными актерами. К примеру, фильм «Казенный дом» («The Big House», 1930) вышел в Испании под названием «El Presidio» и во Франции под названием «Révolte dans la prison».

2) Исполнение главных ролей актерами, владеющими несколькими языками.

3) Повторная съёмка фильма с произнесением реплик на разных языках. Однако, из-за непомерных затрат и нагрузок для актёра на съёмку большого количества вариантов одного фильма такие способы использовались недолгое время. Другим средством преодоления языкового барьера стал дублированный перевод. Это замена оригинальной речевой фонограммы на новую на необходимом иностранном языке, при этом она должна совпадать не только по длительности фраз, но и по артикуляции актёров. Первый в мире дублированный звуковой фильм вышел в 1929 году под названием «Плавучий театр» (англ. Show Boat).

Изобретателем вида киноперевода посредством субтитров считается Герман Г. Вайнберг, легенда аудиовизуального перевода. В 1930 году, используя Moviola (первый аппарат для редактирования кинофильмов), Вайнберг начал накладывать заголовки на движущиеся изображения фильма: «В начале, Я был очень осторожен и наложил на десятиминутный ролик не более 25 или 30 наименований ... Затем я шел в театр во время представления, чтобы посмотреть на лица зрителей, посмотреть, как они отреагируют на названия. Мне было интересно, собираются ли они слегка опустить головы, чтобы прочитать заголовки в нижней части экрана, а затем снова поднять их после того, как прочитают заголовки [...] но я не волновался [...] Я заметил, что они не опускали головы, они просто опускали глаза».

4. Синхронный закадровый перевод (1976 - наши дни). Изначально этот способ использовали для перевода видеохроник нацистской Германии во время заседаний судов и во время кинофестивалей в СССР. Переводчик находился в технически оборудованной кабине и

озвучивал фильм через микрофон, а зрители в это время слышали перевод фильма в наушниках. В 1976 году фильмы начали выпускать на видеокассетах для домашнего просмотра и тогда синхронный закадровый перевод стал самым распространённым видом киноперевода. Высокопрофессиональных синхронных кинопереводчиков было немного, а нагрузка была очень велика (около 5 фильмов ежедневно).

Таким образом, не долгая, но насыщенная история становления аудиовизуального перевода составляет уже приблизительно 120 лет и позволяет выделить основные виды киноперевода в современной практике:

1. Субтитры
2. Дубляж
3. Закадровый перевод

Первый вид – перевод с субтитрами – представляет собой письменный перевод устного текста. По мнению В. Е. Горшковой, субтитрование – это сокращённый перевод реплик / диалогов фильма, отражающий их основное содержание... и сопровождающий в виде печатного текста визуальный ряд фильма в его оригинальной версии, располагаясь, как правило, в нижней части экрана. [1] Он может применяться как для передачи речи персонажей, так и для введения дополнительных поясняющих комментариев. Такой способ киноперевода включает в себя следующие этапы:

1) Получение переводчиком монтажных листов и «скрипта» (запись дословного текста на исходном языке фильма). Монтажный лист фильма включает в себя последовательное описание действий и реплик. Он содержит несколько граф для заполнения: номер плана, время (тайм-код), тип плана, действие в кадре (краткое описание происходящего), текст расшифровки видеозаписи с обозначением персонажей.

2) Выполнение полного перевода «скрипта»;

3) Деление конечного текста перевода на субтитры согласно общим правилам оформления субтитров, а затем на отдельные строки;

4) Закрепление за каждым кадром и озвучкой определенных субтитров посредством специальной программы;

5) Финальное редактирование, проверка и монтаж строк субтитров в соответствии с визуальным изображением.

Следует подчеркнуть, что перевод в виде субтитрования является непростой задачей не только в техническом плане, но и в плане получения адекватного перевода. Для качественного выполнения этой задачи переводчик использует различные лексико-грамматические приемы. В частности, когда реплики персонажей слишком длинные и быстрые, переводчик использует прием сжатия исходного текста, сохраняя при этом

смысловую эквивалентность выражений. Более того, в данном способе киноперевода существует общий свод правил, которые переводчик обязан знать и соблюдать: нормы объема знаков, количество строк, время отображения субтитров на экране [4]. К сожалению, несмотря на то, что эти критерии подробно изучены и описаны высокопрофессиональными лингвистами, во многих фильмах мы можем увидеть перевод с субтитрами ненадлежащего качества, так как зачастую его выполняют не специалисты, а любители, использующие только машинный перевод (к примеру, это касается пиратских фильмов или запрещенных фильмов в какой-либо стране).

Следующий способ аудиовизуального перевода – дубляж - представляет собой устный перевод устного текста. В процессе дубляжа аудио ряд на исходном языке полностью заменяется аудио рядом на языке перевода. Дублирование является самым трудоемким и дорогостоящим по сравнению с другими видами киноперевода (стоимость дубляжа примерно в 15 раз выше стоимости субтитрования). В.Е. Горшкова пишет, что дублирование представляет собой особую технику записи, позволяющую заменять звуковую дорожку фильма с записью оригинального диалога звуковой дорожкой с записью диалога на языке перевода, так и один из видов перевода. [2]

Как известно, письменный перевод представляет собой следующую схему: Автор → Оригинал → Переводчик → Перевод текста → Реципиент. В центре внимания этого процесса – автор и оригинал. Переводчик, как первый получатель оригинала, тщательно читает тщательно исходный текст, а затем представляет его реципиентам на языке перевода. Переведенный текст будет, несомненно, влиять на оценку и понимание реципиентами исходного текста. Автор, переводчик и реципиенты являются необходимыми звеньями перевода, влияющими на весь процесс. А оригинальные и переведенные тексты – это инструменты и средства их эмоционально-смыслового взаимодействия.

Однако, процесс перевода фильма (дубляж) более сложный: [Автор] → Оригинал → Переводчик → Переведенный сценарий → Режиссер дубляжа (актеры дубляжа) → Дублированный сценарий → Аудитория. Фактически сценарист заменяет автора, поэтому при осуществлении киноперевода важно учитывать его жизненный опыт и привычные стили создания текста, как это делают при переводе художественной литературы. Во время работы над дубляжом необходимо учитывать такие ключевые моменты, как артикуляция и скорость речи. Между тем, основной функцией данного способа является функция адаптации, которая заключается в передаче не только смысла, но и языковых и культурных ценностей. Предполагается, что здесь перевод настолько адаптирован, что становится абсолютно незаметным и не чужеродным для зрителя. Это и создает особый эффект того, что герои кинокартины разговаривают на языке перевода.

Процесс работы над дублированным переводом состоит из нескольких этапов:

1) Переводчику предоставляют ограниченную версию фильма (в большинстве случаев, это версия черно-белая либо с неполным изображением) и монтажные листы на языке оригинала со всеми репликами для выявления особенностей речи актеров и различных звуковых эффектов и шумов. Затем производится литературный перевод кинотекста.

2) Следующим этапом идет редактура и укладка полученного текста - настройка и синхронизация речи по артикуляции актеров и формирование необходимой длины каждой фразы, т.е. подгонка переведенных реплик под оригинальные высказывания киногороев. Бывает, что укладчик не может обойтись без редактора-консультанта, который проверяет текст на наличие не только лексических, но и фактических ошибок. Например, в сериале «Анатомия страсти» использовалась сложная медицинская терминология, без знания которой переводчик может не понять конечный смысл фразы. Качественный перевод обязан сохранять оригинальные шутки и каламбуры, а стихи должны быть переведены также стихами.

3) После редактуры выполняется озвучивание, сведение голосов, монтаж звуков, шумов, музыки. [3] К тому же, на финальном этапе дубляжа происходит перевод графической составляющей кинофильма (субтитры, закадровые реплики) и дополнительные правки перевода реплик (ликвидация труднопроизносимых сочетаний).

Среди самых успешных и популярных студий, занимающихся дубляжом фильмов в России, можно выделить киностудии Селена Интернешнл, «Русский Дубляж», «Кириллица», «Невафильм», «Мосфильм-мастер», «Пифагор», «SDI- медиа».

И, наконец, последний вид киноперевода – закадровый перевод.

Закадровый перевод/ войсовер (от англ. voice-over — «речь поверх») предполагает перевод речевой фонограммы фильма, наложение его на оригинальную речь и практически синхронная трансляция таким образом, что зритель слышит и перевод, и исходный звук картины с пониженной громкостью. Данная разновидность аудиовизуального перевода часто используется в телепередачах, интервью и документальных фильмах. Кроме того, в нелегальных копиях кинокартин также часто встречается закадровое озвучивание, когда один голос озвучивает все реплики, так как это наименее затратный способ по времени и финансам.

Стоит отметить, что в случае использования закадрового перевода, актер, который озвучивает текст перевода, обладает достаточной творческой «свободой» - из-за отсутствия связи с визуальным синтаксисом произведения, он может ускорять или замедлять темп речи в тех местах, где объем текста перевода больше или меньше текста оригинала [7]. Значит и в процессе работы над переводом, переводчик встречается с наименьшим

количеством сложностей.

В закадровом переводе выделяют 2 этапа:

1) Работа переводчика с письменным текстом монтажных листов и постоянное сравнение и сопоставление с исходным текстом. Необходимо сохранить максимальную информативную точность и обеспечить функционально-коммуникативное и эстетическое воздействие текста перевода;

2) Работа переводчика над синхронным звучанием текста перевода аудиовизуального произведения с его оригинальной звуковой дорожкой. На данном этапе переводчику следует помнить о «возможности уплотнения передаваемой информации и сокращении семантической избыточности, если таковая имеется», как это бывает необходимо в синхронном переводе (прием сжатия информации).

Таким образом, подробно изучив историю становления и разновидности киноперевода, мы видим, что существуют разные способы аудиовизуального перевода, каждый из которых имеет своеобразные отличительные черты, достоинства и недостатки. Выбор определенного способа зависит от целей, финансов, особенностей кинокомпании и других факторов. В современном мире при использовании современных технологий зритель может сам выбирать, в каком формате он предпочитает смотреть кинофильм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшкова В. Е. Особенности перевода фильмов с субтитрами // Вестник СибГУ, 2006. – №3. – С. 17–34.
2. Горшкова В. Е. Перевод в кино: дублирование vs субтитры // Вестник СибГУ. – 2006. – №7. – С. 25–32.
3. Кузьмичев С. А. Перевод кинофильмов как отдельный вид перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 9. – С. 14–21
4. Матасов Р. А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 2009. – 21 с.
5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта, 2003. – 141 с.
6. Рябова М. Э., Шикина Т. С. Диалогический дискурс современного общества // Гуманитарий: актуальные проблемы науки о образования. – 2008. – №7. – С. 44–50.
7. Сапожников И. Дубляж и закадровое озвучивание фильмов. – М., 2004. – 625 с.
8. Шикина Т. С. Диалог и принятие решения как интеллектуальная операция // Философия здравого смысла. Критика оснований разума. Сер. «Здравый смысл в основаниях принятия решений в общественной практике». – М., 2015. – С. 40–55.